

АЛЕКСАНДРА М. КУЗНЕЦОВА

ПРИЮТ ДЛЯ ФАМИЛЬЯРОВ,
ДРАКОНУ
ВХОД ЗАПРЕЩЁН!

Междумирный базар и фамильяры

Александра Кузнецова

**Приют для фамильяров,
дракону вход запрещен!**

«Автор»

2026

Кузнецова А. М.

Приют для фамильяров, дракону вход запрещен! /

А. М. Кузнецова — «Автор», 2026 — (Междумирный базар и фамильяры)

Я развелась с драконом-изменником и отсудила его родовое поместье! Победа? Как бы не так...Поместье оказалось старым и запущенным, вдобавок в нем расположился "Приют для фамильяров" и теперь я его хозяйка!Мне предстоит найти волшебным существам новых хозяев, привести особняк в порядок и утереть нос бывшему, который подозрительно часто ко мне навевается!Однотомник.В книге будут: неунывающая героиня много милых фамильяров очаровательный кот-сводник осознавший свою ошибку дракон счастливый конец, но не без приключений!СЕРИЯ КНИГ: Междумирный базар

Содержание

Начало	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александра Кузнецова

Приют для фамильяров, дракону вход запрещен!

Начало

Карету снова подбросило вверх, да с такой силой, что я едва не ударилась головой о потолок.

– Ради всех богов, – пробормотала я раздраженно, поправляя свою единственную шляпку, которая едва держалась на моих непокорных, огненно-рыжих волосах.

Я приоткрыла занавеску и выглянула в окно. Чем дальше мы отъезжали от столицы, тем ухабистее становилась дорога. Аккуратные бульжники столичных улиц сменились грунтовой дорогой, а нарядные особняки с парками полями и редкими поместьями и полями. Мимо одного мы как раз проезжали. На лужайке перед аккуратным домом из зеленого кирпича, хлопотала дружная семья.

Мать развешивала белье, прищурившись от яркого солнца, а возле нее сновал ее фамильяр – маленький огненный воробушек, нежно трепещущий пламенными крыльями. Похоже помогал сушить белье.

Неподалеку отец семейства учил сына стрелять из лука. Мальчишка, смешно сморщив лоб, старался попасть в мишень, но стрела вновь и вновь летела мимо.

В тени раскидистого дерева с тарзанкой, лениво валялись два больших пса-фамильяра: один белый, второй черный. От жары они высунули свои фиолетовые языки и тяжело дышали.

Умилительная картина семейного счастья при виде которой мне хотелось кричать. Глаза тут же защипало, а в горле снова встал ком. Отвернувшись от окна, я нервно моргнула, не позволяя слезам вырваться наружу.

У меня не было магии, не было фамильяра. А теперь не осталось и мужа, и семьи.

Губы предательски задрожали, и чтобы хоть как-то унять обиду, я вновь взяла в руки газету. Магическая газета “Главная сплетница” состояла из четырех разворотов нежно розовой зачарованной бумаги с серебристыми блестками. На листах сам-собой появлялся свежий номер. И сегодня главная полоса, как и две следующие были посвящены самому громкому разводу года. Сменив обиду на злорадство, я в который раз перечитала статью, которая должна была уничтожить репутацию моего бывшего мужа-дракона.

“Драконьи страсти: измены и разводы!”

Не успела отгреметь самая пышная свадьба сезона, как мы вынуждены сообщить вам о новом весьма и весьма скандальном повороте!

Дамы, держите свои кружевные платочки! Господа, поправляйте галстуки!

Наш дорогой и горячо любимый лорд-дракон Сильвиан, чей крепкий торс заставлял чаще биться как сердца дебютанток, так и матрон оказался... изменником!

Я перевернула страницу и замерла, вновь наткнувшись взглядом на крупную иллюстрацию, занимавшую почти всю страницу. С рисунка на меня смотрел он – мой бывший муж, лорд Сильвиан, во всей своей уверенности и красоте.

Он был изображен полуобнаженным, с небрежно накинутым на плечи мундиром, который едва прикрывал крепкий, тщательно проработанный торс. Светлые волосы спадали на широкие плечи, придавая ему слегка небрежный вид.

Художник сумел точно передать лицо: благородные, выразительные черты, уверенный подбородок и едва уловимую полуулыбку, одновременно притягательную и раздражающую

своей самоуверенностью. Голубые глаза смотрели прямо на меня, пронизательно и чуть иронично, словно Сильвиан и сам понимал, какое впечатление производит на окружающих.

Все впечатление портила расположенная наискосок надпись “изменник”.

И все же на одно краткое мгновение я залюбовалась изображением. Нужно признать, что он был красив. Бесстыдно красив, с холодным благородством и безупречностью человека, который всегда получает желаемое.

Как же я была счастлива, когда родители объявили о нашем браке. Как я трепетала в его руках на балу. Наивная дура!

– Вот так тебе и надо! – сказала я изображению и продолжила читать.

Весь высший свет с завистью наблюдал, как прекрасная Алиса Левандовски, юная дочь разбогатевшей семьи попаданцев, становилась супругой одного из самых завидных холостяков нашего мира.

Рыжеволосая красавица сияла ярче аристократок на балах, покоряла сердца публики на благотворительных вечерах и даже кормила бедняков на улицах!

Брак с драконом и получение аристократического титула казались идеальным финалом сказки. Воплотившейся мечтой всех попаданцев нашего мира.

Но, увы и ах!

Как нам стало известно, лорд Сильвиан был застигнут врасплох со своей любовницей. Подробности нам пока неизвестны, но мы докопаемся до сути в следующих выпусках.

Как бы поступила в таком случае любая жена из старой аристократии? Конечно, покорно опустила бы глаза и сделала вид, что ничего не произошло. Но не забывайте, дорогие читатели, Алиса – не одна из них. Корни Левандовски уходят в мир, где женщины не позволяют вытирать о себя ноги. Так что к удивлению всех, рыжая бестия проявила характер, продала украшения и наняла лучшего адвоката по разводам! И отсудила не просто часть имущества, а отвоевала у неверного супруга самое святое – родовое драконье поместье!

Ниже на странице была иллюстрация, в точности повторяющая картину из нашей с мужем бывшей столовой. Роскошный особняк, воплощение сдержанного величия и элегантности. Белоснежный фасад, украшенный высокими колоннами, плавно поддерживающими широкий балкон с ажурной ковanej решеткой.

Высокие полукруглые окна особняка отражали дневной свет и придавали дому легкий, приветливый вид.

Покатую, покрытую серой черепицей крышу венчала изящная маленькая башенка с узкими стрельчатыми окнами и острым шпилем. Эта деталь придавала дому особый, сказочный шарм и намекала на древность рода владельцев.

Позади особняка раскинулся великолепный сад. Там, среди ровно подстриженных кустарников, аккуратно разбитых клумб и цветущих деревьев, виднелись изящные дорожки, покрытые мелким белым гравием. В глубине сада угадывалась беседка, увитая пышными цветами, создающая атмосферу покоя и умиротворения.

Весь особняк казался символом процветания, благородства и безупречного вкуса, и от одного взгляда на него перехватывало дыхание. Я нежно провела рукой по иллюстрации и мечтательно вздохнула. Там я буду счастлива. Карета резко остановилась и я услышала заветное: – Приехали, хозяйка!

Карета остановилась так резко, что я едва не полетела вперед, неуклюже ухватившись за край сиденья. Сердце бешено колотилось, пока я торопливо пыталась выбраться наружу, путаясь в подоле дорожного платья. Я буквально вывалилась из кареты, чудом удержав равновесие.

– Благодарю... – выдохнула я, поправляя волосы и шляпку, и подняла взгляд, полный радостного предвкушения.

Однако то, что предстало перед моими глазами не было похоже на картину.

На месте благородного родового поместья с гордой башенкой и аккуратным белым фасадом стояло нечто, едва напоминавшее особняк.

Прежде белоснежные стены покрылись сеткой трещин и разводами плесени, краска облезла клочьями. Высокие окна были местами разбиты, кое-где зияли провалами.

Башенка на крыше жалко покосилась и казалась скорее опасной, чем романтической. Дверь, украшенная резьбой, кажется висела на одной петле, едва удерживаясь от падения.

От роскошного сада, бывшего гордостью драконьего рода, остались лишь воспоминания. Кустарники разрослись неопрятными клочьями, заглушив дорожки, а беседка давно рухнула под тяжестью увядших лоз.

А над дверью, прямо поверх фамильного герба была прибита деревянная табличка с яркой надписью неровными буквами: «Приют для фамильяров».

Я стояла посреди дорожки, приоткрыв рот и не в силах издать ни единого звука. Мои глаза широко раскрылись, словно я пыталась осознать или развидеть то, что сейчас предстало передо мной. Я открыла рот, затем снова закрыла, пытаясь подобрать хоть какие-то слова, а потом увидела на подоконнике толстого черного пушистого кота с ярко-фиолетовыми глазами.

– Нет, только не это! – воскликнула я, узнавая в коте Маркиза, фамильяра моего бывшего мужа. Значит здесь и его хозяин. Прилетел сюда, чтобы позлорадствовать.

Самым ужасным оказалось даже не плачевное состояние поместья и не грубая вывеска над гербом. Самым ужасным оказалось то, что из тени дикого, разросшегося розового куста, с самодовольной улыбкой на губах, неторопливо шагнул мой бывший муж.

– Думала, ты переиграла меня, Алиса? – голос Сильвиана звучал издевательски мягко, на его губах играла самоуверенная улыбка, в ярких голубых глазах читалось злорадство.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ярость и раздражение снова захлестнули меня.

– Я не желаю тебя больше видеть! – процедила я сквозь зубы, стараясь, чтобы мой голос не дрожал от гнева.

Но Сильвиан словно не слышал моих слов, или, скорее, просто не воспринимал их всерьез. Он подошел ко мне ближе, медленно и грациозно, как настоящий дракон, уверенный в своем превосходстве. Его губы растянулись в довольной усмешке, и он остановился совсем рядом, чуть склоняя голову и глядя на меня сверху вниз.

– Ладно тебе, Алиса, – промурлыкал он ласково, почти нежно, но в этой мягкости явственно звучал приказ. – Я поступил некрасиво, ты огрызнулась в ответ. Мы оба проявили характер. Все еще можно вернуть назад. Скажем, что это было простое... недопонимание.

Он улыбнулся чуть шире, пытаясь очаровать меня, как раньше. Но теперь это уже не действовало.

– И не подумай! – выпалила я ему прямо в лицо, глядя в его глаза с вызовом.

За одну секунду его взгляд потемнел, а ироничная маска слетела с лица, обнажив драконью суть. Он стремительно шагнул вплотную ко мне, резко наклонился и впился в меня взглядом так, что я невольно затаила дыхание.

– Думаешь, с разводом для тебя все закончилось, Алиса? – его голос звучал низко, угрожающе и холодно. – Нет, дорогая моя. Все только начинается...

Я поджала губы, чувствуя, как меня швыряет в болезненные воспоминания.

Глава 1

– Ты правда думала, что я буду тебе верен? – со смехом спросил Сильвиан.

Лорд. Дракон. Мой муж.

Он стоял напротив меня, небрежно запахнув халат. Бархатная ткань едва прикрывала крепкий рельефный торос, исполосованный тонкими светлыми шрамами.

Пепельно-белые пряди волос облепили влажные плечи, а от тело шел жар. Он только что вышел из горячей ванной, которую принимал не один.

Сильвиан не отводил взгляда, не пытался оправдаться или объяснить. Только эта чуть заметная ироничная ухмылка, такая спокойная и жестокая одновременно.

А я стояла на пороге спальни и никак не могла поверить в то, что это происходит со мной. Я ощутила, как кровь отхлынула от лица, и стены спальни вдруг качнулись перед глазами.

– Я твоя жена!

– На бумаге.

В голосе Сильвиана не было ни капли сожаления или стыда, он смотрел на меня, как на пустое место. Скорее даже с досадой, ведь я похоже прервала его развлечения с юной обнаженной красоткой, ожидавшей его в постели.

В нашей постели!

На простынях, которые нам подарили на свадьбу, лежала незнакомая девушка в шелковом пеньюаре, отделанном нелепыми красными перьями. Ее влажные каштановые волосы были собраны в пучок, на щеках играл румянец.

На чрезмерно пухлых губах читалась насмешливая улыбка. Девица даже не пыталась прикрыться, смотрела на меня вызывающе, будто показывая свое превосходство.

Это был удар. Предательство, которого я не ожидала.

– А как же наши клятвы? Наша брачная ночь!

– Так себе ночь, кстати, – усмехнулся Сильвиан и обернулся на девицу.

Девица громко расхохоталась, и этот смех хлестнул меня больнее пощечины.

Сильвиан шагнул ближе. Его глаза, такие холодные и насмешливые секунду назад, вдруг слегка потемнели, а на губах мелькнула та самая улыбка, от которой сердце некогда пропускало удар.

Он склонился ко мне, так, что я почувствовала его дыхание на своих губах.

– Алиса, крошка, – мягко и чуть лениво прошептал он, дразняще касаясь кончиками пальцев моей щеки. – Я в хорошем настроении, во мне плещется вино и страсть. Не порти мне вечер. Утром поговорим.

И прежде, чем я успела ответить, Сильвиан захлопнул дверь нашей спальни перед моим носом.

Несколько мучительно долгих секунд я стояла перед закрытой дверью, чувствуя, как каждая клеточка моего тела содрогается от боли и унижения. Горячие слезы обожгли глаза, подступили к горлу, сдавив дыхание так, что казалось, еще мгновение – и я сорвусь, расплачусь и закричу от бессилия и обиды.

Тишину нарушило тихое, протяжное:

– Мя-а-ау...

Я вздрогнула и медленно обернулась. На широком подоконнике, элегантно поджав под себя пушистые лапы, сидел большой черный кот. Фиолетовые глаза Маркиза пристально и внимательно смотрели прямо на меня – в них, казалось, отражалось куда больше понимания и сочувствия, чем я когда-либо видела во взгляде его хозяина.

– Что, тебя тоже выставили за дверь? – горько усмехнулась я, чувствуя, как ком в горле чуть-чуть отпускает.

Кот ответил лишь едва слышным, почти вежливым мяуканьем и, с удивительной для такого толстяка грацией, спрыгнул с подоконника.

– Нет, такого, как ты не выгонишь.

Подойдя ко мне, Маркиз доверчиво потерся головой о мои колени, ласково и утешительно.

Я почувствовала, как сердце болезненно сжалось. Присев рядом, осторожно коснулась шелковистой черной шерсти.

– Похоже, ты лучшее, что есть в твоём хозяине, – прошептала я, глядя его.

Кот тихо замурлыкал и я вдруг ощутила, что едва держусь, чтобы не разрыдаться. Эта нежная поддержка со стороны фамильяра, неожиданная и безусловная, тронула меня и придала сил.

Наивность, с которой я верила в свой брак, любовь к мужу, надежды на счастливую жизнь, собственную семью, все разбилось вдребезги.

Осколки больно ранили душу, но вместе с болью приходила и злость.

Да, у меня нет магии и своего фамильяра. Я родилась без титула в семье попаданцев, но я – Алиса Левандовски.

И ни один дракон не сможет меня сломать.

Из-за двери донеслось притворное хихиканье девицы, и этот звук подействовал как ведро ледяной воды, выплеснувшееся мне прямо в лицо.

Ах, значит, он думает, что ему все позволено? Что он может безнаказанно унижать меня и выставлять на посмешище?

Ошибаешься, дорогой.

Под удивленным взглядом Маркиза, я наскоро завязала волосы в высокий хвост, засушила рукава дорожного платья, расправила плечи и решительным движением толкнула дверь, настезь распахивая ее.

В комнате наступила полнейшая тишина. Сильвиан, который уже успел усадить обнаженную девицу к себе на колени, обернулся и замер, удивленно приподняв бровь. Девица застыла, ее пошлая улыбка мгновенно померкла, сменившись растерянностью.

Я стояла, скрестив руки на груди, глядя прямо ему в глаза – уверенно и гордо.

– Значит так, дорогуша, – холодно произнесла я, пристально глядя на девицу, – надевай свои перышки и убирайся из моей спальни.

Девушка растерянно открыла рот, судорожно переводя взгляд на Сильвиана, словно пытаясь найти у него защиты или объяснения. Дракон, который по-видимому не ожидал от меня такого поведения, медленно снял с себя девицу, пересадив ее на кровать.

Сильвиан смотрел на меня словно в первый раз видел меня. Рассматривал с головы до ног с интересом. Похоже он все еще не воспринимал меня всерьез.

Девица, ища поддержки, потянулась к Сильвиану, видимо чтобы обнять, но я шагнула вперед и повысила голос до крика:

– Вон, я сказала!

– Алиса, – строго сказал Сильвиан, с явным усилием сохраняя спокойствие, – не смей здесь командовать.

В его глубоком бархатном голосе слышались нотки рыка. Наверное это должно было пугать. Меня бы испугало, но не сегодня. Злость и обида придавали мне сил, а уязвленная гордость отключила тормоза.

– Я не потерплю такого отношения! – отчеканила я, подняв подбородок..

Сильвиан стремительно приблизился ко мне, схватил за плечи и тряхнул, словно игрушку. Он не приложил к этому никаких усилий. При желании он одним ударом мог бы стену насквозь пробить.

И я была в его руках, хрупкая и беззащитная. И еще вчера мне казалось, что это и есть счастье. Дура!

– Ты забываешься, Алиса, – зарычал он, наклонившись так близко, что я почувствовала его запах.

Чарующий, манящий, отдающий нотками дерева и терпкостью вина.

– Я – лорд-дракон, – начал мне в лицо супруг, – Четвертый среди самых могущественных существ в этом мире. Я могу стереть в порошок любого одним щелчком пальцев. Не перечь мне. Его голубые глаза горели гневом, зрачки чуть сузились, выдавая его драконью натуру. Но я не отвела взгляд, даже не дрогнула, упрямо сжимая губы.

– Пусти меня, – процедила я, – я не твоя собственность, чтобы так обращаться со мной.

Тем временем любовница Сильвиана, торопливо прикрываясь пеньюаром:

– Сильф, может принести вина? Пока ты выставяешь прочь свою женушку?

– Убирайся! – взревел Сильвиан, не оборачиваясь, – И ты тоже!

Дракон резко отпустил меня и отошел на шаг.

– Вон! Обе испортили мне настроение, глупые курицы!

Девушка жалко пискнула, схватила платье и босиком выскользнула из комнаты, оставив за собой парочку красных перьев.

– Не смей больше приходить в мою спальню без разрешения, – резко бросил он мне, отворачиваясь.

– В твою спальню?! Да ноги моей в этом доме не будет! Я завтра же подаю на развод! Сильвиан смерил меня взглядом и громко расхохотался. А я почувствовала, что против воли по щекам текут горькие слезы.

Очнувшись от воспоминаний, я гордо выпрямила спину и, собрав остатки самообладания, посмотрела прямо в глаза Сильвиану:

– Я больше тебя не боюсь, – отчеканила я уверенно, вскинув подбородок. – Сейчас весь свет наблюдает за нами. И если ты хоть что-то мне сделаешь, то...

Я не успела договорить. Покосившиеся двери старого особняка вдруг с треском распахнулись, и на пороге возник маленький сухонький старичок с длинной, козлиной бородкой, из которой торчало несколько ярких птичьих перьев. В руках он судорожно сжимал огромную книгу, из переплета которой, с каждым его шагом, тонкой струйкой высыпался песок.

– Лорд Сильвиан! Лорд Сильвиан! Это просто невозможно! Вас годами не дожدهшься! – воскликнул он, поспешно сбега с крыльца.

Старичок, судя по всему управляющий, подбежал к нам с такой скоростью, что едва не потерял равновесие.

– Матиас, ты не видишь, что я занят? – раздраженно повернулся к нему дракон.

Но старичок даже не обратил внимания на его тон.

– Это уже ни в какие ворота не лезет! – жалобно проговорил он, хлопнув книгой и подняв облачко пыли. – У нас что ни день, то катастрофа! Я уже не могу, лорд Сильвиан, правда, не могу! Фалафель, лорд! Еще немного, и он перестанет проходить в дверной проем. Нужно срочно найти ему любящий дом, иначе он рискует в прямом смысле застрять у нас. У большинства подопечных неумный аппетит и очень вспыльчивый нрав. А цены на корм все растут и растут!

Матиас вздохнул так горестно, будто сейчас расплачется:

– Приют переполнен, милорд! Мы не справляемся!

Сильвиан холодно посмотрел на старичка, затем на меня и пожал плечами: – А это теперь ее проблемы. Матиас медленно перевел взгляд на меня и хлопал глазами. – Как это? – переспросил он. – Моя супруга отсудила особняк, а значит и приют, который здесь устроил мой дед теперь ее проблема. Дракон посмотрел мне в глаза и хищно улыбнулся: – Наслаждайся, дорогая.

Не дожидаясь моей реакции, дракон спокойно шагнул в сторону, ловко подхватил своего пухлого фамильяра и прижал к себе. Кот бросил на меня полный сочувствия взгляд фиолетовых глаз, будто извиняясь за поступок хозяина. Затем Сильвиан небрежно расправил за спиной белоснежные крылья и резко взмахнул ими. Подняв облако пыли, он стремительно взмыл вверх, оставляя меня наедине с проблемами, о которых я не имела никакого понятия.

Матиас проводил взглядом улетающего лорда-дракона, тяжело вздохнул и пожал плечами, словно все это было ему давно знакомо. Затем он без малейшего стеснения сунул мне в руки тяжелую, перепачканную песком книгу и бодро проговорил:

– Отлично, счастливо оставаться!

Я ошеломленно уставилась на него, не веря своим ушам.

– В каком смысле? – выдохнула я.

– А в прямом, госпожа, – невозмутимо отозвался старичок. – Я увольняюсь! С меня хватит!

Из глубины старого особняка вдруг донеслось глухое, утробное рычание. Я вздрогнула, почувствовав, как волосы на затылке зашевелились от страха. В это же мгновение из трубы особняка пошел густой голубоватый дым, клубами расплываясь по ветру и придавая и без того мрачному поместью еще более тревожный вид.

В кустах неподалеку мелькнуло что-то изумрудное и длинное, подозрительно напоминающее змеиный хвост, и сердце мое провалилось куда-то в пятки.

– Подождите! – крикнула я вслед управляющему, который уже бодрым шагом удалялся от меня. – Стойте!

– И не подумай! – не оборачиваясь, крикнул он в ответ и поднял руку, махнув кому-то в разбитое окно. – Герберт! Вещи!

Из окна на газон тут же выпал огромный кожаный чемодан, приземлившись с глухим стуком. Матиас без труда подхватил его и легко закинул на плечо, словно тяжеленный сундук был набит лишь перьями.

Возничий, стоявший у кареты, с интересом наблюдал за происходящим, пока старик направлялся к нему, бодро постукивая деревянной ногой по дорожке.

– До таверны подбросишь? – спросил он, закидывая чемодан в карету.

– Залезайте, – легко согласился возничий и помог старику забраться внутрь.

Карета тронулась, а я полными ужаса глазами наблюдала, как я медленно и неотвратно остаюсь один-на-один с разваливающимся особняком и приютом непонятно кого. – А вещи?! Вещи хоть оставьте! – крикнула я.

С козел спрыгнул Пол, вызывавшийся проводить меня до особняка, шустро взял с уезжающей кареты два чемодана и захромал ко мне. – Может вернетесь домой, госпожа? – Ни за что! – воскликнула я, вспоминая, чем закончилась моя встреча с родителями. Очередное болезненное воспоминание накрыло меня с головой.

Конюхов, чтобы запрячь карету в этот час уже не было. А я еще не освоилась в огромном особняке Сильвиана и не знала где искать прислугу. Так что до родительского дома мне пришлось добираться пешком. Ноги стрелись в кровь уже через два квартала. К счастью, новый особняк родителей был в центре, в самом престижном квартале. Столица уже спала, кованые фонари с мягким золотистым магическим светом освещали мощные улочки. Серебристый туман, плыл от реки, в небе виднелся черный драконий силуэт. Кассиан – старший брат Сильвиана патрулировал ночной город. Я опустила голову и сжала кулаки. Я думала, что все драконы благородные и порядочные. Как же я ошибалась!

Нас особняк стоял у самой воды, с видом на дремлющий замок короля и маяк между-мирного базара. Отец выкупил здание у разорившегося из-за блокады аристократа и отремонтировал. Дом – заявление. Левандовски теперь знать. Мой же брак был вишенкой на торте отцовского тщеславия. Что ж, обойдутся без вишенки.

Подойдя к массивной двери, украшенной изящной резьбой, я дернула шнурок звонка. В глубине дома раздался мелодичный звон, который нарушил ночную тишину и эхом пронесся по пустому холлу.

Прошло несколько секунд, и дверь бесшумно распахнулась, на пороге стоял мрачный Пол – наш лакей.

Пол был высоким, крепким мужчиной, чье лицо хранило следы давних битв и сражений. Множество шрамов пересекало его щеки и подбородок, придавая ему суровый, даже грозный вид. В последний год войны, он лишился ноги и теперь слегка прихрамывал. Правда назвать его калекой язык не поворачивался. Отец платил ему вдвое больше, чем остальным слугам за то, что производил на гостей неизгладимое впечатление. Когда мы жили за зеленой стеной на территории огромного междумирного базара Пол был скорее необходимостью, чем роскошью. Отпугивая многочисленных воров от соблазна залезть в дом внезапно разбогатевшего лавочника.

Пол много повидал за годы работы в нашей семье. Семья Левандовски была известна своим темпераментом и склонностью к бурным, эмоциональным сценам. Только Пол всегда оставался невозмутим. Всегда, но не сейчас.

Увидев меня на пороге, Пол застыл в изумлении, его темные брови поползли вверх. Я стояла перед ним, замерев, не зная, с чего начать. Разум отказывался подбирать слова для того унижения, что я только что испытала.

– Кто там в ночи, боже правый? – прозвучал сверху недовольный голос матери.

Услышав ее, я не выдержала и разрыдалась прямо на пороге, дрожа всем телом.

Пол молча отступил в сторону, пропуская меня в дом.

Сделав усилие, я переступила порог, чувствуя, как с каждым шагом покидают силы. Ну, хотя бы я в безопасности.

Из глубины дома раздалась быстрые шаги, и передо мной появилась мать.

Она замерла на мгновение, словно выточенная из камня фигура с безупречной осанкой и строгим взглядом. Ее ярко-рыжие, почти огненные волосы, которыми она наградила всех нас, своих дочерей, были заплетены в безупречную тугую косу. В ее строгих серых глазах отразилась тревога.

– Алиса! Девочка моя, что с тобой случилось?

Я всхлипнула, бросилась в ее объятия, рыдая.

Мать быстро и решительно увлекла меня в гостиную, усадила на диван и крепко обняла, поглаживая по плечам и пытаясь успокоить.

К тому моменту, когда я смогла хоть немного унять всхлипывания, в гостиной уже собралась вся семья. Мои младшие сестры, Наталия и Катерина, стояли, растерянно глядя на меня и тихо перешептываясь.

Отец расположился в кресле напротив. Его тучная фигура, облеченная в черный бархатный халат, казалась внушительной и строгой, он взволнованно приглаживал свои пышные усы.

– Алиса, – произнес он тихо, – да объясни ты уже толком, что случилось. На экипаж кто-то напал? Пожар? Война?

Я подняла глаза и с ужасом осознала, что даже не знаю, с чего начать. Слова путались, язык не слушался, и в итоге я смогла лишь сбивчиво пробормотать:

– Я... он... он был с другой женщиной... в нашей спальне, на наших простынях...

– Ох, эти аристократические нравы, – покачал головой отец с тяжелым вздохом.

– Драконы! – фыркнула мама, – буйный темперамент. Из-за этого все королевство в кризисе!

– Никакой выдержки, рубят с плеча, не думают о последствиях. Я переводила взгляд с матери на отца, смотря как обсуждение моего позора переходит в обычную светскую беседу.

– Мне муж изменил! – крикнула я в слезах.

Мама со вздохом погладила меня по плечу и мягко добавила:

– Ну-ну, моя дорогая, выплачься, это ужасно, я понимаю. Ты правильно решила переночевать дома.

Я вздрогнула и посмотрела на нее ошеломленно:

– Переночевать? Я возвращаюсь домой. Ты же не думаешь, что я вернусь к нему утром?

Мама с легким недоумением пожала плечами:

– Алиса, если ты не появишься дома завтра, весь свет начнет сплетничать. Наша семья сейчас на виду. Ты замужем за самим Сильвианом, все взгляды прикованы к тебе! А через три дня вы даете бал, и мы должны к нему подготовиться. Ты впервые выступишь хозяйкой!

Я смотрела на нее, не в силах поверить услышанному. Она что, не слышала меня? Я ощутила себя в каком-то дурном сне, кошмаре, где моя семья ведет себя, как чужие люди. Мне на секунду стало страшно.

– Вы что, не слышали меня?! Он изменил! – голос сорвался, наполняясь отчаянием. – Притащил девицу в нашу постель! Это оскорбление, пощечина! – Дорогая, – спокойно начал отец, – он наверняка не собирался тебя обижать. Просто ты вернулась на день раньше. Если бы ты приехала от тетушки, как планировала, он бы встретил тебя с цветами и сладостями, как положено молодожену.

– Я не верю своим ушам! – вскричала я, вскочив на ноги. – Вы что, на его стороне?!

– Я не на его стороне, – строго перебил отец. – Но брак – это не любовный роман, это политический союз. Наша семья так долго к этому шла, мы столько лет работали и вкладывались, чтобы обрести положение в обществе. Мы не можем допустить скандала, Алиса. Уверен, впредь он будет осторожнее и больше себе такого не позволит. Если ты хочешь, я пойду и поговорю с ним...

– Я не хочу, чтобы ты с ним говорил! – выкрикнула я, чувствуя, как горло снова сдавливают слезы. – Я хочу развода!

Родители переглянулись. В комнате воцарилась гнетущая тишина. Вдруг вперед шагнула средняя сестра, Катарина, вскинув подбородок:

– Я же говорила! Лучше бы я вышла за дракона. Уж я бы точно блистала на балах и не закатывала скандалов. Алисочка слишком нос задрала...

– Не могу поверить, что вы говорите такое... И это моя семья?

Отец устало развел руками:

– Алиса, дорогая моя, я понимаю твои чувства, но развод просто невозможен. Мы вложили все в этот союз. Мы столько трудились. Такой скандал не нужен ни нашей семье, ни дракону, никому!

– Похоже, единственное, что никому не нужно – это я! К черту вас!

Я сжала кулаки и решительно направилась к двери, но голос отца, громкий и требовательный, остановил меня на пороге:

– Ты никуда не пойдешь, Алиса! Если ты думаешь, что я дам тебе деньги и позволю развестись, ты ошибаешься! Возвращайся домой к мужу немедленно! Пора уже взрослеть, тебе двадцать лет, ты уже не ребенок!

Я почувствовала, как сердце окончательно разбивается на осколки. Но больше слез не было. Только злость и горечь. Я уже не ребенок и не позволю вытирать об себя ноги. Я найду деньги, найму лучшего адвоката, разведусь и построю свою жизнь сама. Сильвиан еще пожалеет, что так со мной поступил.

Глава 2

Из болезненных воспоминаний меня выдернуло утробное рычание за спиной. Оно исходило откуда-то из глубин заброшенного особняка и казалось угрожающим.

Кожа покрылась мурашками, и в голове промелькнула отчаянная мысль, что разбитое сердце похоже не самое плохое, что может случиться со мной сегодня.

Подобрав юбки, я бросилась за управляющим.

– Подождите! – крикнула я вслед Матиасу. – Вы же не оставите меня здесь! Одну!

Старик остановился и медленно обернулся. Чемодан покачивался на его плече, а на лице застыла удовлетворенная улыбка человека, который впервые за много лет почувствовал себя свободным.

– Еще как оставлю, госпожа. – Он пожал плечами с таким облегчением, будто сбросил тяжелый груз. – Я был в долгу у драконов и служил этому роду верой и правдой, но теперь, когда особняк принадлежит... кто вы там такая есть, я с радостью ухожу на пенсию.

– Подождите, – я сделала шаг ближе, стараясь не показывать, как сильно нервничаю. – Там... там опасно?

Матиас дружелюбно улыбнулся:

– Что вы, нет конечно!

Я успела облегченно выдохнуть, но тут Матиас продолжил:

– Если, конечно, успеете всех вовремя покормить.

Я невольно обернулась на особняк, который казался теперь не просто заброшенным, а зловещим несмотря на летнее солнышко и пушистые белые облачка.

– Вы не можете уйти, не передав дела!

– Могу и ухожу! Все дела есть в книге.

– Вы не получите остаток жалования за этот месяц, – выпалила я, вспоминая, как мать рассчитывала нашего домашнего управляющего.

– Оставьте эти жалкие копейки на корм. Убыточное предприятие. Убыточное поместье.

Матиас запрыгнул в карету и постучал по крыше, давая сигнал к отправлению. Я замерла, беспомощно наблюдая, как отъезжает экипаж.

Я со вздохом обернулась к Полу, но его лицо было непроницаемым. Нельзя было понять, все хорошо или все плохо.

Я вернулась к особняку и замерла на пороге, все еще прислушиваясь, не повторится ли тревожное рычание. Но было тихо. Даже подозрительно тихо.

Не решившись войти внутрь, я взяла у Пола свой чемодан и села прямо на него, устроив тяжелый фолиант на коленях.

Смахнув с обложки остатки песка, я осторожно раскрыла книгу.

Страницы были исписаны мелким убористым почерком, но каждая запись была сделана аккуратно и тщательно, словно над ней долго и усердно трудились.

Разделы выделялись закладками с аккуратно выведенными заголовками: «Бухгалтерия», «Расписание кормлений», «Поставки продуктов», и даже «Список питомцев».

В детстве у нас с сестрами не было няни, поэтому отец часто брал нас на работу в свой кабинет. Я немало повидала подобных книг – строгих, деловых, сухих и понятных. Эта была почти образцовой. Несмотря на ветхий переплет и пожелтевшие страницы, в ней своя логика и порядок.

– Может быть, все не так плохо? – прошептала я, пытаюсь убедить себя, что смогу со всем справиться. – Я действительно смогу разобраться.

Собравшись с духом, я открыла раздел, обозначенный закладкой «список питомцев», и пробежалась глазами по аккуратным строчкам:

1. Фалафель – прожорливая меховая улитка.
2. Пуговка – летающий кролик с паническими атаками, грызет абсолютно все.
3. Мармеладка – миниатюрный василиск, пугается своего отражения в зеркале и от испуга парализует сам себя.
4. Герольд – трехголовый дружелюбный медведь.
5. Фиалка – грустная перламутровая многоножка. Пребывает в депрессии, часто отказывается от еды.

6. Бисквит – небольшой фамильяр-барсук. Любит серебряные ложки и семейное серебро, регулярно прячет его в норах на территории поместья. Проверять кладовку каждую неделю!

7. Лютик – летающий змей-хамелеон. Не попадает на глаза.

8. Марципан – старый зубастый петух, требует бережного ухода.

Я захлопнула книгу и посмотрела на черный зияющий дверной проем. Во что я ввязалась?

Вздыхнув, я снова посмотрела на книгу и решительно подняла подбородок.

– Ну что ж, выглядит не так уж страшно. Никаких демонов, ядовитых тварей, агрессивных монстров. Всего лишь восемь странных фамильяров. Покормим, а утром к нам придет лучший юрист на свете и поможет разобраться с документами!

Я поднялась, отряхивая платье от песка, сунула книгу подмышку и решительно скомандовала Полу.

– Идем! За дело!

Задержав дыхание, я переступила порог своего нового дома.

Холл особняка был просторным, высоким и светлым, но впечатлял не этим, конечно, а тем, что напоминал поле боевых действий.

На стенах виднелись темные, обугленные пятна – как будто здесь недавно что-то пынуло огнем. У окна, где, вероятно, когда-то висели плотные шторы, болтались обгрызенные и оплавленные клочья ткани. Они свисали жалкими лоскутами и чуть покачивались от сквозняка, свободно гуляющего по помещению из-за многочисленных щелей, разбитых окон, приоткрытых дверей.

Из холла на второй этаж вела широкая лестница. На стене у первого пролета отчетливо виднелся след от когда-то висевшей тут картины.

Сейчас от стены до стены растянулась грандиозных размеров паутина, покачивающаяся в такт с огрызками штор.

По мою правую руку был зал, когда-то выполнявший роль гостиной, по левую коридор с дверями. У каждой двери висела самодельная табличка-указатель: «Фалафель», «Герольд», «Мармеладка».

– Ну, по крайней мере, заблудиться сложно, – пробормотала я, оглядывая эти указатели. – Вопрос только, хочется ли мне находить все, что тут подписано.

Я открыла книгу на закладке с расписаниями кормлений. На строчке с именем Фалафеля было аккуратно написано: овощи сезонные, две корзины.

– Это на раз или на день? – спросила я у Пола, но мужчина лишь пожал плечами.

– Ладно, будем действовать по ситуации, – решила я, захлопнув книгу, – Где-то должна быть кухня, наверняка там и припасы.

Я повернула направо, прошла через заброшенную гостиную и с торжествующим возгласом через приоткрытую дверь вошла на кухню. Кажется единственное чистое место в доме.

Мельком оглядевшись, я поняла, что в моем распоряжении есть неплохая печь, стол, стеллажи с соленьями и крупами, а также раковина и вода.

Отлично!

А вот дорог в погреб к овощам оказалась не такой простой.

Как выяснилось, хранилище было отделено от основного дома тремя массивными коваными решетками. Каждая из них запиралась на замок, и рядом на стене висели связки ключей.

Я тронула одну из связок, и она мелодично зазвенела, будто приветствуя меня.

– Охраняется не хуже королевской сокровищницы, – весело заметила я, глядя, как Пол отпер первую решетку. – Интересно, от кого? От воров или от самих питомцев?

Пол бросил на меня короткий взгляд, и я поняла, что ответ, скорее всего, будет «и от тех, и от других».

Мы осторожно спустились вниз, ступени глухо скрипели, а воздух становился прохладнее и пах зеленью и землей. За последней решеткой открылся огромный, полутемный погреб, где аккуратными рядами стояли ящики с морковью, капустой и прочими овощами – моим будущим подношением пушистому чудовищу по имени Фалафель.

Там еще были какие-то бочки, мешки, банки, но я решила сосредоточиться на деле. Две уже наполненные овощами корзины уже дожидались нас.

Пол передал мне ключи, поднял две тяжеленные корзины и понес их в кухню. Я же шла следом, старательно запирая за собой двери.

Фалафель жил в последней комнате коридора. От жилого интерьера остались только украшения на потолке и заложенный кирпичами камин.

Пространство превратили в большой деревянный загон с низким бортом. Внутри него, словно пушистый диван на ножках, дремал Фалафель. Он был примерно с бочонок размером, покрыт мягким бежевым мехом, а из-под него лениво выглядывали блестящие слизистые рожки.

– И это... улитка? – вырвалось у меня.

В ответ Фалафель медленно повернул ко мне свою мордочку и уставился огромными влажными глазами с выражением «ну и где мое угощение?».

Никогда не думала, что улитка может быть столь выразительной.

– Ладно, ладно, сейчас... – я поставила книгу на край загона и потянулась к корзине с овощами, стоявшей у стены. – Тут написано – свежие овощи. Вот тебе... морковка?

Фалафель подполз ко мне и поднял голову. Его пасть раскрылась медленно, с тягучим влажным звуком, и я непроизвольно подалась назад.

Внутри она напоминала темную, блестящую пещеру, из которой торчал ряд полупрозрачных, как желе, зубчатых пластин. Они шевелились, переливались в полумраке и издавали едва слышный скрежещущий звук, словно кто-то медленно точил нож о камень.

Глубже виднелся подвижный, бугристый язык, усеянный множеством крошечных крючков, похожих на кристаллы соли, но явно острых. Когда он провел им по морковке, та исчезла буквально за секунду, с противным чавкающим звуком.

На краях пасти дрожали влажные щупальца, будто пытаясь на ощупь определить, есть ли у меня еще еда.

– Мамочки, – пролепетала я и, зажмурившись сунула улитке морковь. Затем еще одну.

Через пять минут я, как загипнотизированная, подавала ей овощ за овощем, а Фалафель работал как бездонная мясорубка. Огурцы, морковка, капуста – все исчезало, перемалывалось.

– Еще чуть-чуть, и она... он... оно сожрет все! – простонала я, – интересно, а улитки умеют насыщаться?

К счастью, в какой-то момент Фалафель замер, громко икнул, и довольно свернула клубком, будто решил вздремнуть прямо по середине обеда.

– Бежим, – тихо прошептала я и начала пятиться к двери.

Нашупала ручку, выскользнула наружу, закрыла дверь и прижалась к ней спиной, ловя воздух.

Пол стоял рядом в двух шагах, как всегда прямой и спокойный. Ни один мускул на лице не дернулся, будто и не было никакой встречи с пушистой мясорубкой.

– В поместье безопасно, если вовремя кормить зверей, – прошептала я слова Матиаса, – да как бы нас самих не съели!

Пол невозмутимо пожал плечами, кажется пасть пушистой улитки его не впечатлила.

– Ладно, – я заставила себя отлипнуть от двери и раскрыла фолиант. Закладка мягко щелкнула. – Чем быстрее все сделаем, тем лучше. Следующий... Герольд. Трехголовый медведь. Кормление: левая голова – мясо полтора килограмма, правая – мясо полтора килограмма, средняя – фрукты и овощи. Не путать. Не задерживаться в поле обнимания. Что такое поле обнимания?

Я посмотрела на Пола, тот снова пожал плечами. Это уже начинало раздражать. Захлопнув книгу, я скомандовала Полу:

– Сходи в погреб, Пол. Принеси еды Герольду.

Пол развернулся и с привычной, немного неровной походкой ушел вниз. Шаги глухо отдавались в коридоре. Я подошла к двери с табличкой «Герольд» и прислушалась и тут же отшатнулась. Этот страшный голодный рев шел оттуда! Он был таким низким и утробным, что кажется дрожал весь дом.

Я быстро сверилась с карманными часами. Мы задержали кормление на час. Стихая, рев разделился на два перекликающихся голоса и закончился глухим «ух», будто кто-то басом чихнул.

– Сейчас всех накормлю, – успокаивала я себя, – придет Вероника, она самый лучший адвокат на свете. Она подскажет, как избавиться от зверинца, разобраться с доходами от поместья, с бумагами. Я забуду все это как страшный сон и займусь приятными хлопотами – выбором новых обоев и цветом фасада.

Мысли о хорошем светлом будущем помогли мне продержаться до возвращения Пола.

В одной руке у камердинера была окровавленный сверток, в другой – корзина с яблоками, свеклой и капустой. Он поставил корзину у двери, вручил мне сверток и прежде чем я успела сообразить что к чему – распахнул дверь.

Я застыла в дверях.

Герольд занимал половину комнаты. Огромный шоколадного цвета медведь с тремя голодными головами. Левая тут же уставилась на мясо, а правая на меня, как на мясо. Средняя, самая широкомордая, радостно дернула ушами.

Медведь поднялся на задние лапы, а я, поперхнувшись собственным криком, быстро оставила еду на пороге и захлопнула дверь, опуская засов.

Изнутри слышалось довольное сопение, дружный хруст и редкие «мрруф» – на три разных голоса.

– Готово, – выдохнула я.

– Госпожа, не по инструкции, – покачал головой Пол.

Я со вздохом повернулась к нему и развела руками.

– Желудок у них похоже один, судя по звукам, все довольны и никто не пострадал. Уверена, ничего плохого не случится!

Я раскрыла фолиант дальше и вслух прочитала для храбрости:

– Мармеладка. Миниатюрный василиск. Еда: перепелиные яйца, теплое молоко. Кормить в спокойной обстановке.

– Как мило, – выдохнула я и тут же приободрилась. – Пол, подержите книгу, пожалуйста. Я сама.

На кухне все нашлось удивительно быстро: корзинка с яйцами, маленький ковшик, молоко, даже серебряный поднос подходящего размера. Печь еще не остыла, так что я согрела молоко до приятного тепла, выложила яйца в кружок, поставила чашку в центр и, довольная своей предусмотрительностью, двинулась по коридору к двери с табличкой «Мармеладка».

– Уверена, что с ней мы подружимся!

Пол услужливо открыл передо мной дверь.

Комната василиска оказалась совсем не похожа на остальные: тусклый янтарный свет от зачарованного камня под потолком, толстые темные портьеры, стянутые лентами, ковры с густым ворсом, на полу – широкий деревянный лоток с теплым песком, рядом – невысокие «коряги» из гладко отполированного дерева и хлопковая лежанка, набитая чем-то пружинящим.

– Уютно, – прошептала я, ища глазами Мармеладку и шагнула внутрь.

Из песка высунулась крошечная треугольная мордочка. Василиск и впрямь был миниатюрный: не больше кошки, с зеленовато-бронзовой чешуей и янтарными бусинами глаз. Она приподнялась, как пружинка, и осторожно, по-змеиному, перебралась на край лотка. Я опустила на корточки.

– Здравствуй, Мармеладка, – сказала я максимально ласково. – Смотри, что у меня есть.

К моему изумлению, крошечная хвостатая прелесть ткнулась носиком в мое запястье и позволила себя погладить. Шершавые чешуйки оказались неожиданно теплые, а под пальцами прошла волна довольной дрожи. Я улыбнулась, осторожно поставила перед ней поднос.

Серебро блеснуло. Мармеладка увидела в нем свое отражение и моментально распушила воротничок из мелких шипов, издала боевое «фрр!» и... атаковала поднос.

Все случилось в миг: яйца разлетелись, одно разбилось на ковре, чашка молока перевернулась. Поднос с грохотом полетел на пол. Василиск, увидела в этом еще одну «угрозу», сначала бросилась на поднос, затем дернулась назад, ее глаза вспыхнули магическим светом, – и в следующее мгновение Мармеладка застыла.

Прямо у моих ног, в эффектной позе защитника, с приподнятым хвостом и раскрытым воротничком стояла статуя василиска. Серая. Каменная! Не живая, совсем.

– Боже! – вскрикнула я. – Пол, кажется я убила Мармеладку...

Я вцепилась Полу в рукав так, что костяшки побелели.

– Боже мой! Что делать?!

– Спокойно, – Пол аккуратно высвободил рукав и перелистал фолиант до полей с примечаниями, повел пальцем. – Вот. При контакте с зеркальной поверхностью возможна такая реакция. Пройдет через час.

– Через час? – я выдохнула, чувствуя, как в груди таят ледяной ком.

Я еще раз осмотрела комнату и поняла, что здесь действительно не было ничего блестящего. Даже дверная ручка, и та была старательно обмотана черной тканью.

Господи, как же глупо! Василиск и зеркало. Могла бы сообразить.

– Вам, госпожа, лучше поискать кабинет и написать вашему адвокату. Пусть приедет как можно скорее. А я займусь кормлением.

Я облегченно вздохнула, поправляя съехавшую на бок шляпку. Животные – это явно не мое. Тем более фамильяры. И совершенно точно целый приют фамильяров! Нужно было срочно что-то делать.

– Спасибо, Пол. И... прости, маленькая, – я присела, осторожно коснулась теплой каменной спинки Мармеладки. – Я виновата. Больше никаких блестящих подносов. Прости.

Я вернулась в холл, стараясь не обращать внимания на обугленные пятна и свисающие обрывки штор. Достала из дорожной сумки шкатулку для писем – мой единственный оплот здравого смысла в этом бардаке. Ладная, из красного дерева, с латунными уголками и крошечным замком-руной на крышке;

Я прижала шкатулку к груди, как талисман, и медленно двинулась к лестнице. Под ногами жалобно простонала первая ступень, вторая совсем чуток провалилась, поручень под ладонью вздрогнул и закачался, как пьяный.

Пришлось идти, держась за стену. На пролете – та самая великая паутина от стены до стены: я пригнулась, протиснулась боком и получила прядью по щеке. Судя по толщине нитей, лучше бы мне с пауком не встречаться.

Второй этаж был жилым и, наверное, когда-то уютным: три спальни, широкий коридор, ниши под свечи. Даже сейчас в простом интерьере чувствовался хороший вкус.

Крыша явно подтекала. На потолке расплывались отвратительные пятна желтизны, местами штукатурка вздулась и осыпалась.

Шелк обоев выцвел до болезненно-серого, рисунок почти исчез, только редкие вензеля уцелели в углах, где не доставала влага. Паутина тянулась из угла в угол, как рваные занавески, цеплялась за плечи и шляпку; грязные окна пропускали лишь тусклый, пыльный свет, и в нем медленно кружились серебристые соринки.

В конце коридора темнела крутая лестница на мансарду. Деревянные ступени провисли. Казалось, дотронься – и лестница с жалобным вздохом сложится, как карточный домик. Я сжала шкатулку покрепче и решила, что мансарда подождет лучших времен.

Дверь с резьбой повела в небольшую библиотеку. Судя по удобным креслам, занавескам, кофейному столику, когда-то здесь любили проводить время.

Ковры давно потускнели, с каждым шагом скрипел паркет.

Пахло пылью и пожелтевшей бумагой. На нижних полках книги стояли рядами, на верхних кое-где провисали – сдвинутые, как будто что-то торопливо искали и не вернули на место.

У окна – узкая лестница-стремянка; на стеклах серела сплошная пыль, так что свет проходил мутный, молочный, и в нем плавали серые хлопья. Я тронула пальцем серый подоконник и моментально оставила чистый след, затем отдернула штору – и закашлялась: клуб пыли взвился до потолка и медленно осел обратно.

В глубине, между двумя стеллажами, была еще одна дверь – ниже, тяжелее, с потемневшей латунной ручкой.

Кабинет.

В нем царил иной порядок – служебный. Плотные портьеры на окне, тяжелый блестящий стол, на крышке которого виднелись светлые пятна от бумаг и темные от чернил.

Кованое кресло, еще два стула по стенам. Справа – узкие шкафы с маленькими ящиками и подписанными ячейками для счетов; слева – карта поместья.

Кирпичный камин и широкая полка над ним с тикающими часами. Здесь не было и пылинки! Полный порядок. Островок практичности.

Мне даже стало чуточку легче!

Я поставила на стол свою магическую шкатулку, сняла защелку-руну – крышка послушно приподнялась

Внутри лежал набор: перья, хрустальная чернильница, узкий лоток с магической промокашкой и пачка письменных карточек – маленьких, размером с открытку, со слегка рваным краем.

На каждой был приклеен ярлычок с именем получателя, чтобы ненароком не перепутать. А то можно попасть в очень неловкую ситуацию. Переписка в волшебном мире происходила через зачарованную бумагу и магические чернила. Волшебный лист разрывали на пополам, одна часть оставалась у получателя, другая у отправителя. На обратной стороне можно было написать ответ.

Карточка Вероники лежала сверху, на ней все еще виднелись следы моего прошлого письма с благодарностями. Что ж, кажется мне снова нужна помощь.

Я провела по листу промокашкой, она втянула лишнюю магию и старые следы чернил. Бумага посветлела, стала как новая. Я взяла свое любимое перо в серебряной оправе, макнула в чернильницу и склонилась над листом.

«Привет Вероника, мне очень срочно нужна твоя помощь».

Первая строка легла ровно – и я знала, что в ту же секунду она проступает у Вероники на ее половинке. Лишь бы мой адвокат побыстрее проверила почту.

Дальше, я закусила губу и вкратце описала ситуацию.

«Я добралась до поместья, но оно совсем не такое, как на картине.

Дом полуразрушен, сад зарос, крыша течет. Внутри какой-то приют для фамилъяров. Управляющий уволился и сказал, что все это мои проблемы.

Это вообще законно? Мог ли Сильвиан передать мне поместье вместе с приютом и обязательствами? На ком ответственность и долги?»

Я на миг оторвала перо, прислушалась к тишине кабинета и дописала:

«Очень прошу, приезжай как можно скорее. Помоги разобраться, а то эти фамилъярны норовят меня съесть».

Я выдохнула, подула на чернила и перевернула карточку чистой стороной вверх, чтобы сразу увидеть, когда ответные строки начнут проступать.

Теперь осталось ждать. Время тянулось невыносимо долго, чтобы отвлечься, я взяла в руки остальные карточки и перебрала. Оказалось, что за это время мне успели написать почти все подруги.

Я с нежностью отложила новые письма. В отличие от строгой и деловой бумаги Вероники, карточки подруг были разного цвета, некоторые ароматизированные: лаванда, цитрус, духи, ваниль.

Было и письмо родителей, на бархатной бумаге с тиснением, но я не стала его читать, отложила карточку обратно в коробку и взяла письмо от Виолетты, ее быстрый, наклонный почерк почти бежал:

«Алиса, держись. Он подлец. Вчера видела Сильвиана на балу и не стала здороваться.

Ты прекрасна – и умнее всех!

Напиши, как будешь готова принимать гостей, мы с девочками обязательно приедем и привезем тебе коробку пирожных!»

Я невольно улыбнулась, представляя лицо мужа, от которого отвернулась половина высшего света. Впрочем, надолго ли?

Следующая карточка была от Софии. Нежно-голубая карточка с черной рамкой и аккуратным сердечком внизу.

«Дорогая, мы все за тебя. Город гудит. Наконец-то кто-то бросил вызов обществу и показал, что измена – это подло. И что никакой титул не может это оправдать».

На лице сама собой проступила торжествующая улыбка, а вот третье письмо с первых строк заставило меня скривиться.

«Алиса, дорогая, подумай еще раз. Драконов нельзя мерить человеческими мерками, внутри них зверь, хищник, охотник. Нужно время, чтобы его усмирить»

Это было письмо от Майи, моей излишне романтической подруги-попаданки. Мы познакомились, когда я искала у кого бы заказать волшебную бумагу для писем. Мая открыла свою волшебную канцелярскую лавку недалеко от нашего дома, так что мы часто виделись и со временем подружились.

«Сильвиан совершил плохой поступок, но это не делает его плохим. Говорят, что разбитую чашку не склеить, но там, откуда я родом, есть древняя традиция кинцуги – ремонтировать трещины золотом. Даже разбитая посуда может стать красивее и прочнее, чем была. Желаю тебе сил и мудрости, Алиса».

Я фыркнула и отложила письмо в сторону. Да уж, конечно! Кинцуги. Моя мама тоже родом из того мира и научила меня совсем другому. Если один раз наступил на грабли, не надо наступать второй раз.

И пусть я в жизни не держала грабель в руках, материнскому завету решила следовать.

Я откинулась в кресле и стиснула ладонями виски. Сердце ныло от злости и обиды. Подруги, конечно, правы – Сильвиан подлец, и я достойна большего. Но как же больно, что он даже не попытался извиниться. Не попросил прощения, не сказал ни слова. Словно все это – пустяк. Словно я – пустяк.

Нет. Не прошу.

Не стану той душой, что оправдывает предателя.

Я потянулась к карточкам, чтобы еще раз из перебрать, и тут заметила, что среди чистых белых половинок, на темно-серой карторчке проступают черные строки. Сердце ухнуло вниз: Сильвиан писал мне что-то прямо сейчас.

Я потянулась было к шкапулке, но заметила осторожное движение на краю стола.

По полированной поверхности медленно полз паук размером с мою ладонь. Лапы длинные, мохнатые, бусины фиолетовых глаза хищно блестят.

Меня и от мелких пауков в дрожь бросала, а уж при виде такого, мои бедные нервные клетки сдались и ударились в панику:

– А-а-а! – мой крик сотряс кабинет.

Я вскочила, с грохотом роняя стул. Снизу тут же отозвался трехголовым медведь, завывая со мной в унисон.

Я схватила со стола какую-то папку и принялась размахивать ей.

– Кыш! Кыш отсюда!

Только вот паук даже не думал отступать. Напротив – рванул прямо ко мне.

– О-о-о нет, только не это! – я криком перемахнула через стол, демонстрируя чудеса ловкости и побежала к двери.

Чудовище спрыгнуло со стола и понеслось за мной. Я едва успела выскочить за дверь и захлопнуть ее за собой. Кошмар на яву!

Запахавшийся Пол уже был рядом. Он держал в руке неизвестно откуда взявшийся нож.

– Госпожа?! Что случилось?!

– Какое счастье, что ты здесь! Там огромный паук!

Пол наградил меня хмурым взглядом, затем осторожно переспросил:

– Больше вас?

– Нет. Размером с ладонь, ну или чуть меньше...

Пол сделал мне знак отойти, а сам приоткрыл дверь, готовый сразиться с многоногим противником. Я наблюдала за происходящим из-за шкафа.

– Никого не вижу, хозяйка.

– Значит он спрятался куда-то! За шкаф или штору! – крикнула я Полу.

– А насколько он был огромный, – переспросил камердинер, – размером с медведя? Пса? Кошку?

– С мою ладонь, может чуть меньше.

Пол со вздохом закрыл дверь в кабинет, молча посмотрел на меня и покачал головой.

– Что?! – возмутилась я, – Он охотился за мной!

Похоже мои слова камердинера не убедили. Он молча посмотрел на меня и пошел к лестнице, видимо возвращаясь к кормлению фамильяров.

– Это поместье меня убьет! – буркнула я себе под нос.

Еще раз окинув взглядом библиотеку, дверь в коридор, мутное стекло и паутину, я сжала кулаки и твердо сказала:

– Нет уж! Я наведу здесь порядок! Алиса Левандовски так просто не сдастся.

Я твердо решила привести дом в порядок и начать с этой вездесущей паутины. Пусть мохнатое чудовище забирает себе кабинет, не жалко, но в остальном доме я – хозяйка.

Я подобрала юбки и направилась в холл второго этажа, выбирать себе и Полу спальни.

Глава 3

Здраво рассудив, что теперь дверь в кабинет закрыта, а паук слишком большой, чтобы пролезть в тонкую щель, я почувствовала себя увереннее и заглянула в первую спальню.

Здесь, в отличие от холла, было чисто. Разве что легкий слой пыли нанесло. Не смотря на стертый на паркете лак, пожелтевшие от времени простыни, было довольно уютно. Можно было обойтись легким ремонтом.

Горчичного цвета шелковые обои выцвели до невнятного бледно-песочного цвета. Оригинальный цвет сохранился лишь там, где когда-то стояла роскошная мебель.

На стенах отчетливо виднелся контур высокого резного трюмо, а также широкого шкафа и изящный силуэт витиеватого изголовья кровати.

Похоже красивый гарнитур вывезли и на его место поставили простую и практичную мебель: узкая кровать на прямых ножках, небольшая тумба, стул, у окна – обычный сосновый комод с тугими ящиками.

Ну и ладно. В моем случае, есть место где спать и отлично!

Во второй спальне была похожая картина. Чисто, но ветхо. На потолке желели пятна от протечек, в углу аккуратно сложены ведро и тряпки – видимо, на случай очередного дождя. По обоям снова угадывались исчезнувшие предметы – завитки рам, тень прикроватных бра со стеклянными подвесками.

Я провела ладонью по стене – ткань не осыпалась, просто выцвела, как старое платье.

Третья спальня оказалась самой уютной и чистой: узкая кровать, покрытая чистым пледом, занавески из небеленого холста, на полу домотканый коврик. В углу – умывальник с кувшином и тазом, зеркало без рамы, приколото гвоздиком прямо к стене. Никакой паутины – слава всем богам.

Судя по слою пыли, не похоже, что прошлый управляющий оставался в поместье на ночь. Видимо жил где-то неподалеку. А значит, был шанс наведаться к нему и уговорить вернуться хотя бы на время.

На душе стало немного легче.

Я распахнула окно – внутрь втянулся чистый полевой воздух, кажется неподалеку была река, в запущенном саду пели птицы.

Может быть мое первое впечатление о поместье оказалось обманчиво? У меня, кажется, с первыми впечатлениями вообще были проблемы. Я невольно вспомнила наше знакомство Сильвианом.

Дракон пришел к нам в дом почти на закате.

Я конечно знала, что последние недели отец часто навещает дворец и ведет какие-то важные переговоры с Сильвианом, но увидеть главного светского льва в собственной гостиной было неожиданно.

– Соберись, – шепнула мать, положив ладонь мне на спину. – Не сутулься. И улыбайся глазами, Алиса.

– Улыбаться глазами – это как?

Но вместо ответа мать толкнула меня в гостиную и зашла следом.

Отец был непривычно торжественен – новый черный камзол сидел на нем без единой складки, усы вычищены до блеска; мать – прямая, как стрела, с тугой косой из своих огненных волос, в темном шелке, который делал ее строже обычного. Дом сиял: в гостиной горели свечи, на столиках – цветы, окна распахнуты настежь, и с набережной плыли звуки колоколов.

Сильвиан стоял у камина, разговаривая с отцом.

Высокий, уверенный, в белом мундире, расстегнутом на одну пуговицу. Он был почти на две головы выше папы, и шире в плечах и держался так расслабленно и непринужденно, будто это мы были у него в гостях.

Когда я вошла, он обернулся, и голубые глаза – яркие, как утреннее летнее небо – остановились на мне. А у меня, кажется, остановилось сердце.

– Алиса, – представил меня отец с гордостью. – Наша старшая дочь.

– Алиса, – повторил Сильвиан, как будто примеряя имя на вкус. – Иномирное имя. Земное, верно?

Я не сразу сообразила, что вопрос адресован мне. Замялась, а отец воспользовался паузой, чтобы представить:

– Лорд-дракон Сильвиан, генерал северной армии.

Кто же его не знал? В «Сплетнике» постоянно выходили заметки о нем. На главных балах города девицы готовы были передрасться, лишь бы танцевать с ним.

– Здравствуйтесь, – откашлялась я, – Приятно познакомиться. Я забыла о каком-то празднике?

Я указала глазами на богато уставленный закусками стол, редкими бутылками из погребов отца, выставившихся только по большому случаю.

– Да! – улыбнулся Сильвиан, смотря мне в глаза, – Отмечаем наше с вами официальное знакомство, Алиса.

Мать прервала наше неловкое молчание, поспешно хлопнув в ладоши, давая знак прислуге.

– Прошу всех к столу, – сказала она бодро. – Лорд Сильвиан, вот сюда, пожалуйста.

Она провела дракона в столовую и ловко усадила рядом со мной, а Наталию с Катериной – на другой стороне стола, за вазой с розами. Все это было очень подозрительно, кажется что-то происходило и все были в курсе, кроме меня.

Отец велел разлить по бокалам коллекционный напиток, слуги начали подавать блюда, а я вглядывалась в строгое лицо матери и ждала знака.

Тем временем сестры пошли в атаку.

– Лорд Сильвиан, правда ли, что после исчезновения короля вы основной претендент на трон? – спрашивала Наталия, старательно выглядывая из-за вазы.

– И правда ли, что именно вы остановили мятеж в ночь Разобщения? – тут же подхватила Катерина, откидывая локон и слишком громко смеясь.

Сильвиан тихо рассмеялся и ответил:

– Да, – не уточняя на какой из вопросов, а может на все разом, а может и вовсе он сказал это слуге, предлагающему кусочек копченой рыбы.

Ответ вызвал новый шквал вопросов и Сильвиан с усмешкой что-то спросил у слуги. Тот, немного удивившись, кивнул и переставил еще одну вазу на сторону сестер, создавая между нами барьер.

Это было нагло. Даже на грани обидного, но дракон посмотрел на меня и подмигнул, я увидела в его глазах нотки озорства и впервые подумала, что, пожалуй, мы могли бы подружиться.

Наивная дура!

Ну и славно, что его письмо застряло в кабинете с пауком. Надеюсь паук оголодает и съест карточку с его письмом.

Я решила не унывать, подобрала юбки и пошла вниз, перетаскивать в комнату свои вещи. Каким бы плохим не было начало этого дня, я теперь здесь хозяйка и все будет по-моему!

Немного прибодрившись, я вышла в коридор и спустилась за своим чемоданом, который ждал меня в холле первого этажа.

Я взялась за ручку, попыталась приподнять и тут же поняла, что лучше тянуть. Подцепила за нижнюю дугу и, пыхтя, потащила его к лестнице.

Чемодан был дорогим и зачарованным, он высасывал из вещей весь воздух, отчего они становились намного компактнее. В итоге влезало в два в три раза больше одежды, чем в обычный чемодан, только вес, к сожалению никуда не девался.

На каждом пролете приходилось делать короткую остановку, вдох, выдох, еще немного. Чемодан глухо бухал о край ступени, но, слава богам, выдержал и он, и ступени.

Добравшись до спальни, я буквально втащила его через порог, оттолкнула носком к стене и села прямо на край кровати, переводя дыхание. Потом щелкнула замками и подняла крышку.

На самом верху лежало мое алое вечернее платье. Роскошное облако муарового шелка, такое легкое на руке и такое плотное в движении. Тонкая игра оттенков – от глубокого винного до яркого алого – пробегала по складкам, когда я осторожно провела рукой по складкам.

Юбка была многослойной, с мягкими волнами, лиф – с деликатной драпировкой, обещающей идеальную посадку. Вокруг талии – широкий черный шелковый пояс, строгий и выразительный, тонкая линия, подчеркивающая силуэт.

Я невольно улыбнулась, отмечая, что от платья веет торжественностью и победой.

Я встала, расправила подол и бережно повесила платье в шкаф – на единственную личную вешалку, которую тут нашла.

Когда я приведу дом в порядок и избавлюсь от дурацкого приюта, то обязательно накрою чай в садовой беседке на закате. Закажу лучших пирожных и выйду пить чай именно в этом платье.

Как победительница!

Снизу раздался истошный петушиный вопль и я поняла, что путь к победе обещает быть долгим. Что ж, справлюсь.

Следующее платье было моим когда-то любимым синим сарафаном. После неудачного барбекю на нем остались жирные пятна, которые никто так и не смог вывести.

Я оставила его, чтобы практиковаться в вышивании. Почти удалось замаскировать досадные жирные следы умильными цветочками. Я прихватила его с собой, воображая уютные рукодельные вечера у камина, но и они будут похоже не скоро. В камин даже заглядывать страшно, так что я решила использовать сарафан для уборки.

Наскоро переделалась в него, сняла шапку, вынула из прически шпильки и затянула волосы в пучок. Из зеркала на меня смотрела уверенная в себе сельская девчонка. Совсем не та запуганная городская модница, что совсем недавно сюда прибыла.

Я заправила огненную прядь за ухо и подмигнула отражению. Где-то я видела швабру, ей можно снять паутину с углов и в особняке сразу станет уютнее.

Петух снова заорал.

Что ж, надеюсь Пол с ним справится.

Швабра нашлась быстро, она стояла на кованом балконе моей комнаты рядом с ведром, полным дождевой воды.

Я перехватила старый разохшийся от времени черенок, вдохнула глубже и отправилась воевать с паутиной.

Оказалось, если смотреть не на всю разруху сразу, а на один конкретный угол, дела идут куда веселее.

Сначала верхний пучок у лестницы, потом над дверью в гостиную, полоска под карнизом, тонкие нити между рамами.

Швабра взлетала, как знамя, и с шелестом снимала с потолка серые кружевные залежи. Паутина наматывалась на черенок, напоминая сахарную вату, которую продавали на базаре.

В первой спальне я залезла шваброй под люстру, во второй – прошлась по щели над шкафом. В третьей, самой чистой, паутины и правда не было, зато, когда я присела поправить коврик, взгляд зацепился за что-то под кроватью.

Я опустилась на колени и вытащила узкую картонную коробку, перевязанную линиями лентой. Судя по всему, стояла она здесь давно.

Я потянула за ленту, сняла крышку и сердце у меня подпрыгнуло – чайный сервиз! С Земли!

Светло-кремовый, с крошечными зелеными веточками и золотой ниткой по краю. Чашки, блюдца, чайник, небольшая молочница и сахарница.

Похожий сервиз за большие деньги достал мой отец и подарил матери на юбилей. Она очень скучала по дому и старательно окружала себя предметами из прошлой жизни. Мы все надеялись, что совсем скоро возобновятся путешествия между мирами, и мы сможем навестить родных по ту сторону.

Только после того, как поступили мои родители, ноги моей в их доме не будет. Глаза предательски защипало, я закусила губу и закончила с паутиной, а потом вернулась за сервизом и понесла его на кухню.

– Пора обустраиваться, наводить уют, – сказала я вслух.

На кухне пахло остывшим железом и сушеными травами. Я поставила сервиз на стол и открыла шкафчики.

У меня было все необходимое для начала: горячая плита с заслонкой, кочерга, пара тяжелых сковород, толстостенная кастрюля, сито, деревянные ложки, нож.

В углу – масляные лампы, у двери аккуратная охапка дров. На стеллажах – банки с чаями, медом и вареньями.

Похоже Матиас любил попивать чаек на работе. Но, судя по отсутствию круп и солений, он и правда не жил в особняке.

Вздыхнув, я набрала из крана воды в котелок, поставила ее на плиту, подбросила в печь еще несколько поленьев.

Затем, обмыв кипятком фарфоровый чайник, я бросила в него щепотку черного чая и мяты.

На крючке у окна нашлась чистая домотканая салфетка; я вытерла ею стол и пододвинула поближе лампу.

На верхней полке шкафа я нашла маленькую льняную скатерть. Разгладила ее ладонями, постелила на край стола.

Немного подумав, я зашла в кладовую и стащила из запасов Герольда немного фруктов, чтобы переложить в вазу. Трехголовый медведь от этого не обеднеет, уж точно.

В коридоре появился Пол, ровно и без суеты он нес очередную опустевшую корзину в кладовую.

– Все госпожа, готово.

Я улыбнулась и указала ему на стул.

– А я приготовила нам чай!

Я торжественно подняла чайник и разлила горячий напиток по чашкам. Пар поднялся тонкой дымкой, бережно коснулся лица.

– Благодарю, – коротко кивнул Пол, сел за стол и сделал маленький глоток, будто проверял температуру, а не вкус.

Пауза была почти уютной: огонь в печи потрескивал, пахло медом и мятой. Пол поставил чашку, невозмутимо протянул мне фолиант.

– Вам лучше прочесть, что здесь написано, – сказал он своим спокойным голосом. – Разделы про кормление, бухгалтерию и поставщиков.

– Сейчас? – я уставилась на томик. Он казался еще толще прежнего.

– Лучше раньше, – Пол допил чай, не торопясь. – Я должен возвращаться в город до рассвета. Господин Левандовски отпустил меня только проводить вас до особняка и убедиться, что вы добрались.

Сердце неприятно дрогнуло. Я обхватила чашку ладонями, будто могла согреться и развеять неприятные предчувствия.

– Пол, – я подняла на него глаза, – напишите отцу, что здесь небезопасно. Что я одна. Может, он согласится оставить вас со мной хотя бы на несколько дней? Пока я не разберусь во всем.

Пол чуть покачал головой. Свет от плиты скользнул по его четкой скуле, по шраму у виска.

– Господин на вас все еще очень сердит, – произнес он ровно. – У него с лордом Сильвианом была сделка. Из-за скандала все под угрозой.

– Останься хотя бы до приезда Вероники? А? Папа же не так зол на меня, чтобы оставлять меня в опасности.

– Не думаю, что вы в опасности, госпожа. Если будете вовремя кормить фамильяров и держать дверь закрытой.

Пол снова придвинул мне книгу. Я вздохнула и нехотя открыла фолиант. Как я надеялась, что мне не придется этим заниматься, а все же.

Перво-наперво я открыла книгу на разделе с бюджетом. Уж очень интересно было узнать, во сколько обходится содержание восьми никому не нужных, прожорливых фамильяров.

Первым делом мне попало перечисление поставщиков. Ну да, еду же нужно откуда-то брать.

Страницы были исписаны аккуратным, строгим почерком. Я пробежала глазами строки – мясник Брамм, «Фруктовый сад» госпожи Ламмот, ферма «Славный кабачок»... Каждая строка выглядела предельно понятно: что, когда, куда.

И главное – сколько платить.

Я перескакивала с цифры на цифру, пытаясь не вникать, но итог все равно складывался в голове сам собой. Девять кило мяса трижды в неделю. Две корзины овощей каждый день. Перепелиные яйца через день, молоко дважды в неделю, рыба через день, зерно мешками, мед, дрова, лед...

Когда я дошла до последней строки, аккуратно выведенной красными чернилами, сердце у меня ухнуло куда-то в пятки.

Итого двести девяносто серебряных в месяц.

В месяц! И это только на кормление фамильяров.

– Кошмар... – прошептала я, откидываясь на спинку стула. – Настоящий кошмар.

Я вспомнила, как отец ворчал, когда нам выставили счет за платье на бал – там было сто пятьдесят серебряных за практически произведение искусства, и то он назвал это «бессмысленной тратой». А тут – двести девяносто. Каждый месяц. И все ради того, чтобы стать фамильярами какашками!

Платье хотя бы можно перешить или повесить на вешалку для красоты.

Я резко перелистнула страницу и стала искать хоть какие-то сведения о доходах. Закладка «Приходы» выглядела подозрительно тонкой. Разворот содержал всего несколько строк, и среди них была выделена жирной чертой лишь одна.

Аренда части земли под сельскохозяйственные нужды – 500 серебряных в год.

Я перечитала дважды, надеясь, что ошиблась. В год.

– В год?! – Я вскочила так резко, что стул с грохотом упал.

Пол обернулся от печи, где ворошил дрова, и склонил голову набок.

Я мерила шагами кухню, то хватаясь за виски, то сжимая кулаки.

– Двести девяносто серебряных в месяц, и всего пятьсот в год дохода! – бормотала я, чувствуя, как к горлу подкатывает истерический смех. – Это же... это же убыток!

Самое страшное слово в нашей семье – убыток. Его панически боялись все. Все, чего касалась рука Левандовски должно было приносить прибыль! Если это поход на бал, то новые связи. Если это покупка чьей-то лавки, то обязательно успешной. Если это инвестиции, то с сверхприбылью.

А убытки... сплошные убытки, это как проклятье. Допустишь их где-нибудь, они расползаться повсюду.

Я остановилась у стола и уставилась на аккуратные строки в книге.

С одной стороны, суммы вроде бы и не такие огромные. Мы тратили на банкеты и больше. Отец нередко покупал маме драгоценности. Но то был отец. И драгоценности можно продать или заложить. Это актив.

А здесь...

Вложение в какашки.

– Приют – это не бизнес, – вслух произнесла я, словно закрепляя вывод. – Приют – это ущерб!

Я обернулась на Пола.

– А ведь дом еще нужно содержать. Платить слугам, чинить крышу, окна, нанимать мастеров... Разве поместья не должны приносить хозяевам доход?

Пол, как всегда спокойный, чуть склонил голову.

– Должны, – коротко подтвердил он.

Я села обратно, тяжело опустив крышку фолианта и уставившись на строки.

– Но в книгах один сплошной расход! – выдохнула я и снова раскрыла страницы, словно надеясь, что цифры изменятся сами собой.

В разделе «Приходы» я нашла еще одну строчку, от которой сердце ухнуло окончательно.

Пособие от лорда Сильвиана – три тысячи серебряных в год.

– Так этого же ни на что не хватает! – воскликнула я, захлопнув книгу. – Это меньше трехсот серебряных в месяц. А на одни только фамильяры уходит двести девяносто!

Я осеклась, и в голове всплыло лицо старого управляющего. Его усталый голос, когда он жаловался, что «так невозможно, все разваливается». Он ведь именно это и говорил, прежде чем бросить все и сбежать в город.

Я облизала пересохшие губы, посмотрела на Пола и почти шепотом произнесла:

– Пол... можешь взглянуть на следующие страницы? Кажется, там есть долги. И я боюсь смотреть на них сама.

Пол невозмутимо подошел к столу, принялся листать книгу, иногда задумчиво хмыкая. Я отвела взгляд, потому что в ушах звенело.

– Скажите, – выдохнула я, глядя в окно, где темнел заросший сад, – много ли там?..

Пол промолчал, и тишина стала тяжелее любых цифр.

Он перелистал еще пару страниц и остановился, придавив их ладонью к столу.

– Долги, – сказал он спокойно, – есть только перед фермой «Славный кабачок».

Я с удивлением обернулась к нему.

– И все? – спросила я, не веря своим ушам.

– Все остальное оплачено, – сухо сказал Пол. – Что-то даже до весны.

Я медленно выдохнула и поправила выбившиеся из пучка рыжие пряди.

– «Славный кабачок», звучит очень мило. Наверняка фермой управляют добрые провинциалы, которые потерпят немного, пока мы вернем им... сколько мы им вернем?

– Около шести тысяч серебряных, – произнес Пол так же ровно, как всегда.

Я моргнула, потом еще раз, и почувствовала, как у меня перехватило дыхание.

– Прости, сколько?.. – прошептала я, хватаясь пальцами за край стола. – Да это же половина стоимости имения!

– Думаю, все же имение стоит намного дороже, – уточнил Пол.

– Это... бред какой-то! – я шагнула к печи, потом вернулась к столу и снова ткнула пальцем в строчку. – Откуда такие долги?! Что они там поставляют – золотые кабачки, посыпанные алмазной пылью?

Пол молчал, наблюдая за моими метаниями.

– Или мы не платили им последние двести лет? – продолжала я, возмущенно вышагивая по кухне. – Да на эти деньги нормальное поместье можно купить! Как вообще это допустили?

Пол перевернул страницу и постучал пальцем по графе.

– Тут написано: «накопленная задолженность с учетом штрафов и пени».

– Штрафы?! – я всплеснула руками. – Ну конечно, штрафы! Они, наверное, каждый день просрочки оценили, как аренду тронного зала!

Я обессилено плюхнулась обратно на стул, прижала ладони к лицу и пробормотала:

– «Славный кабачок»... славный, как же. Не поместье у нас, а какая-то пропасть. Или нас сожрут голодные фамильяры или голодные кредиторы.

Шесть тысяч серебряных... цифра вертелась в голове, как злая насмешка. Мало того, что муж мне изменил, так я теперь оказалась в долгах.

– Ладно, я сама виновата, – выдохнула я, отодвигая книгу в сторону.

– Это не ваши долги, госпожа, – возразил Пол.

– Я не про долги. Отец всегда говорил, что эмоции – плохой советчик. Я была обижена и хотела отомстить. Он меня оскорбил, я решила оскорбить в ответ. Я выбрала это поместье потому, что пейзаж с ним висит в главном зале его особняка.

Я устало выдохнула и разжала пальцы. Нет, самобичевание я оставляю на завтра. Завтра придет Вероника – а уж она наверняка найдет какой-нибудь простой, рациональный способ все наладить.

Опытный адвокат, легенда среди жен-попаданок. Она умела в трех строчках развернуть дело так, что горе-мужья подписывали бумаги без единого вопроса. Наверняка уж со горсткой фамильяров и «Славным кабачком» она справится.

Я встряхнула головой, выпрямила спину и взяла эмоции под контроль.

– Пока нам нужно поужинать и как следует отдохнуть.

Желудок тут же откликнулся на мои слова недовольным урчанием. Я положила ладонь на живот и рассмеялась.

– Во всем есть хорошее! – сказала я вслух, глядя на Пола. – Буду стройнее!

– Я не хочу быть стройнее, – заявил лакей, – поэтому займусь ужином сам. А вы, хозяйка, я даже не знаю...

– Почитаю, что нового про нас написали, – улыбнулась я.

На краю стола лежала свежая розовая с блестками бумага – экземпляр «Главной сплетницы». Я подняла его и развернула. Но вместо привычных ярких заголовков и ехидных замечаний увидела лишь кляксы магических чернил. Они лениво вспыхивали и расползались, никак не собираясь в новые буквы.

Я потрясла газетой, подула на нее, потерла ладонью – тщетно. Чернила капризничали и отказывались складываться в статью.

– Да что такое-то!

– Да вы поди из столицы-то и не выезжали, хозяйка! Мы далеко от города, – пояснил Пол. – Здесь магия ловит хуже.

Я нахмурилась, прижимая розовые страницы к груди.

– Нет уж, – упрямо сказала я. – Обстоятельства могут отнять у меня все, что угодно, но не чтение сплетен перед сном.

Я решительно встала, сгребла газету в охапку. Я вспомнила то небольшое, что знала о чернильной магии и сообразила, что шпиль на крыше должен работать как антенна. Надо только встать под него.

Я решительно поднялась на второй этаж и досадой обнаружила, что место под шпилем – это как раз кабинет. Логово страшного паука.

Я закусила губу.

Страх против сплетен...

Внутри меня спорили разум и любопытство. Разум напоминал, что я уже сегодня видела этого монстра размером с ладонь! Стоит лишь приоткрыть дверь – и он набросится. Никакие новости не стоят этого. А вдруг паук вдобавок еще и ядовитый?

Любопытство же подсказывало, что о поместье-развалюхе могли уже прознать! Что если половина столицы и каждая торговка на базаре хохочут, как я из победительницы стала неудачницей?

Нет, мне очень очень нужно обновить газету! Я подняла глаза к потолку и замерла. Потолок он же пол чердака!

Я поняла, что могу подняться на чердак и встать под самый шпиль. Правда лестница на чердак выглядела так, будто готова обвалиться от одного дыхания в ее сторону. Но впечатление же может быть обманчивым?

Осторожно подойдя к лестнице, я наступила на первую ступень. Раздался скрип, похожий на истошный вопль умирающего, но лестница не покачнулась. Ага! Все не так плохо.

Я ухватилась за перила и начала карабкаться вверх, держа «Главную сплетницу» в зубах.

На середине пути скрип стал еще сильнее, я посмотрела вниз и мне показалась, что пол отдаляется. Зажмурившись, я продолжила карабкаться наверх.

Мое не в меру развитое воображение услужливо подсовывало картины, как ступени с треском ломаются, я лечу вниз, за мной рушится лестница, следом весь дом, и уже завтра «Главный сплетник» выйдет с жирным заголовком: скандальную жену дракона раздавило отсу-
женным имуществом!

Наконец голова уткнулась в низкую дверь. Я толкнула ее и открыла, под аккомпанемент визжащих петель.

Чердак оказался вовсе не тем маленьким треугольным чуланом, что я себе представляла. Пространство тянулось в стороны, будто я не на чердаке, а в просторном заде. Огромные балки уходили в темноту, под ногами был ровный настил, а воздух пах старыми книгами и железом.

Я удивленно огляделась – и замерла.

У дальней стены стоял шкаф с облезшей резьбой, рядом старое зеркало в бронзовой раме, покрытое пылью и трещинами а в нем отражалась полупрозрачная мужская фигура.

Я медленно обернулась и увидела за своей спиной призрака! Пожилой мужчина с длинными седыми волосами, аккуратной бородкой и драконьими крыльями за спиной, он парил в пустоте, такое ощущение, что читал невидимую книгу. Я замерла от ужаса, а призрак, никак не реагируя на мое присутствие, направился к книжному шкафу и прошел прямо сквозь меня!

Я почувствовала могильный холод, аж волосы встали дыбом. Нет, это не привиделось! Это на самом деле!

Призрак!

Я слышала собственный визг.

Дальше все слилось в один сплошной хаос: я то ли сбежала, то ли скатилась вниз.

Я, поскользнувшись на последней ступени, уже приготовилась рухнуть вниз, но врезалась в грудь Пола. Он подхватил меня, поставил на пол, окинул быстрым взглядом и спросил:

– Паук?

– Нет... там... – я заикалась, хватая ртом воздух. – Призрак! Привидение...

Пол сделал мне знак ждать его здесь, ловко выхватил из-за пояса кухонный нож и поднялся по лестнице. Мне было страшно, я замахала рукой, чтобы он возвращался, но бывшего военного было не так просто испугать. Я спряталась за дверь своей спальни и наблюдала через щелочку.

Пол резко открыл дверь на чердак, держа нож наготове и замер на пороге. Затем скрылся на чердаке и я услышала его уверенные шаги над головой.

Прошло несколько мучительных мгновений, и вот Пол снова появился на лестнице. Он спускался спокойно, без тени смятения, и в руках у него была... розовая газета с блестками. «Главная сплетница», моя.

– Там никого нет, хозяйка, – сообщил он спокойно, – Вам бы отдохнуть.

– Но был! – я выскочила из спальни, вцепившись руками в косяк. – Я его видела! Он стоял у шкафа!

Пол посмотрел на меня внимательно, словно взвешивал каждое слово. Потом покачал головой.

– Там и шкафа-то нет, – сказал он. – Низкая крыша, туда и комод не влезет. Сплошная паутина да пустой сундук.

Я замерла. Нет шкафа? Но я же видела...

– Госпожа, – мягко добавил Пол, протягивая мне газету, – вы ложитесь. Я принесу вам мятного чая, прянички в коробке нашлись. Отдохните. Слишком много на вас навалилось разом.

Я забрала у Пола обновившуюся газету, и прижала к груди.

– Я знаю, что я видела, – буркнула я упрямо.

Пол не стал спорить. Он просто развернулся и пошел на кухню, прихрамывая и на ходу убирая нож, а я осталась в комнате с трясущимися руками. Этот особняк меня прикончит. Определенно.

Я, все еще дрожа, прикрыла за собой дверь спальни и уткнулась в газету, как в подушку безопасности. Сердце постепенно перестало стучать, и усталость накрыла меня волной.

– Да, этот дом меня прикончит, – прошептала я, – но сперва я хоть выплещусь.

Я сняла сарафан, оставив его на стуле, расплела тугий пучок, позволив рыжим прядям свободно упасть на плечи, и надела простую ночную рубашку из тонкого хлопка. Она оказалась чуть велика, но после всего пережитого казалась самым уютным облаком на свете.

В кровати я устроилась поудобнее, подложив под спину все подушки, что нашлись в комнате. Лед внутри наконец начал оттаивать, веки тяжело опустились. Я успела подумать, что надо непременно записать увиденное про призрака, пока память свежа, но мысль растворилась в дремоте.

Следующее, что я ощутила, – утренний свет. Я моргнула и поняла, что комната залита мягким золотым сиянием: за окном уже всюю расцвело утро. Где-то внизу громыхнула посуда, звякнула крышка и послышался решительный женский голос.

– А я предупреждала, что в таких делах нельзя торопиться! – раздалось снизу.

Я подскочила на кровати. Этот голос я узнала бы из тысячи – звонкий, уверенный, властный.

Я мигом оказалась на ногах, подбежала к окну и убедилась, что солнечные лучи действительно заливают сад, а внизу на крыльце стоит знакомая фигура самого лучшего в мире адвоката по разводам! И мою спасительницу!

– Вероника! – крикнула я и помахала ей рукой.

Глава 4

Вероника подняла на меня глаза и махнула рукой, в которой была толстая кожаная папка, а затем Пол пропустил ее в особняк.

Я подбежала к шкафу и на секунду замерла. Что надеть? Старенький сарафан, в котором я прелесть какая селянка или синее атласное платье, в котором я совершенно очевидно не на своем месте.

Возиться с платьем было дольше, потому я выбрала сарафан, завязала волосы в хвост и выбежала в холл как раз в тот момент, когда Пол принимал из рук Вероники дорожный плащ.

Адвокат была одета в длинную коричневую юбку в строгую клетку, приталенный жилет той же ткани и белую блузку со свободными шелковыми рукавами.

Ее яркие зеленые глаза сияли решимостью, и при одном взгляде на них становилось ясно: спорить бесполезно, все равно будет так, как скажет она. Густые каштановые волосы были убраны в аккуратный гладкий узел на затылке – ни одной выбившейся пряди, ни единой уступки хаосу.

– Ну что, к делу? – сказала она, быстро окинув взглядом холл.

– Может кофе? – робко спросила я.

– В кабинете поьем, – решительно сказала она, подобрала юбку и бесстрашно отправилась вверх по лестнице, будто заранее знала, где какая комната.

Я отчаянно замахала руками:

– Ты себе не представляешь, какой здесь кошмар! Призраки, фамильяры, гигантский паук.

Вероника на ходу нацепила на нос аккуратные круглые очки с изумрудными линзами и ответила:

– Прекрасно представляю. И никакой паук мне не мешает во всем разобраться. И еще,

– добавила она, поравнявшись со мной, – Алиса, прекращай строить из себя жертву, тебе это не к лицу.

Вероника обогнала меня и безошибочно определила где находится библиотека и вход в кабинет. Выглядело все так, будто она здесь хозяйничала уже лет десять. Я спохватилась и поспешила следом за ней.

– Стой! Там паук!

Адвокат пожала плечами, распахнула дверь и выпрямилась. Огромный паук тут же выпрыгнул из-за угла, явно собираясь атаковать. Глаза-бусины сердито блеснули. Я невольно откупила назад, а вот Вероника даже бровью не повела. Она просто подняла над головой папку и, глядя на паука поверх очков, произнесла ровным голосом:

– Я с трудом нашла время для этой встречи. У меня всего час. И в этот час прошу нас не беспокоить. Иначе ты, милейший, превратишься в мокрое пятно на моем юридическом портфеле.

Паук замер. Прищурился всем своим множеством глаз, будто оценивал шансы, и – к моему полному изумлению – шмыгнул под шкаф.

– Он... он разумный?!

– Что было бы логично для его размера, – сухо ответила Вероника, снимая очки и проходя к столу, – Возможно, его просто стоит покормить.

Я простонала и драматично опустилась на ближайший стул:

– Мне всех надо кормить?! А кто покормит меня?

– Вот с этим как раз и будем разбираться, – отрезала Вероника. Она уселась во главу стола, собрала в стопочку карточки писем, которые я вчера в панике раскидала, и холодно взглянула на меня поверх бумаг. – Сильвиан тебе пишет. Читала?

– Нет, – вздохнула я и неуверенно протянула руку к письму.

– И не читай, – жестко пресекла она, захлопнув папку и мою шкатулку с письмами. – Там либо угрозы, либо злорадство. С извинениями он пришел бы лично. Так что и расстраиваться нечего.

Я опустила плечи.

– Но...

– Алиса, – перебила Вероника, и ее зеленые глаза сверкнули. – Тебе сейчас вовсе не стоит ни с кем связываться. Пока мы не поймем, что к чему. Сначала порядок здесь. А потом все остальное.

Она щелкнула застежкой папки и разложила на столе листы так, словно это был судебный процесс.

– Бухгалтерскую книгу, уставные документы поместья, ордера аренды мне на стол, – командовала она.

– Я не знаю где они.

– Наверняка в шкафу для документов.

Я нерешительно потянула дверцу шкафа. Она со скрипом поддалась – и в ту же секунду на меня обрушилась целая лавина папок и конвертов. Чудом успела выставить руки, иначе утонула бы в бумагах прямо у ног Вероники.

– Кажется, здесь чеки на каждый чих! – пробормотала я, отряхивая с плеч пыльные листы.

– Правду можно спрятать либо за отсутствием информации, либо за ее обилием, – сухо заметила Вероника, подтягивая к себе ближайшую стопку. – Времени мало, так что начнем.

Я выудила из вороха толстую папку с облупившейся корешковой надписью «Устав приюта» и протянула ее адвокату. Она листала страницы деловым щелчком, делала короткие пометки в своем блокноте и тут же сунула мне под нос другую папку.

– Ищи документы на землю, на дополнительные строения.

Я послушно развернула ее и замерла. Бумаги оказались куда интереснее, чем я ожидала.

– Здесь... – я провела пальцем по карте, приколотой к внутренней стороне обложки. – Здесь выходит, что во владении приюта не только дом и сад, но и вся эта полоса земли к реке. И даже то поле напротив... оно ведь пустует, заросло бурьяном! А оказывается – оно тоже наше.

Вероника приподняла бровь и кивнула, не отрываясь от своих записей.

– Все плохо, но не катастрофа, – пробурчала она. – Плохая новость: приют здесь легален. У него бессрочное право пользования особняком. И ты, вступив во владение, автоматически стала его хозяйкой. Это как наследство, Алиса, не в каждое стоит вступать.

Она подняла взгляд, и в ее зеленых глазах сверкнула насмешка:

– У меня было дело: одной попаданке досталась лавка на Горелой улице. Там остались одни угли, но долг за аренду – целый.

– Но ведь там не улица, а пепелище! – возмутилась я.

– Земля на месте, только домов нет, – спокойно ответила Вероника. – И арендная плата все равно начислялась.

– И как же это решили?

– Она удачно вышла замуж.

Я простонала и уронила голову на руки.

– Жизнь несправедлива.

Вероника только усмехнулась и продолжила:

– У другой моей клиентки прежняя хозяйка тела проиграла все состояние в карты. Ей пришлось доказывать, что попадание в чужое тело не равно вступлению в наследство.

– Сработало? – спросила я, уже чувствуя, куда клонит рассказ.

– Она удачно вышла замуж, – отрезала адвокат.

Я откинулась на спинку стула и застонала:

– Мне что, тоже замуж выходить?!

– Мы еще можем откатить назад твой развод, – заметила Вероника с кривой усмешкой.

– Вот уж нет! – я резко подняла голову. – Он мне изменил, выставил за дверь. Даже если на коленях умолять будет – никогда!

– Не будет, – спокойно сказала она. – Зато будет судиться. И уже нашел адвоката.

Я застыла.

– Судиться... из-за меня?

– Из-за договора, – поправила Вероника. – Твой брак был частью сделки. Твои родители отписали Сильвиану крупную сумму и несколько участков земли на Базаре в обмен на титул. А титул передали через тебя.

– Зачем Сильвиану деньги? – удивилась я.

– Лучше подумай, зачем они тебе, – сказала Вероника и постучала пальцем по столу. – И как их получить.

Я закрыла лицо руками и пробормотала:

– Продать поместье, закрыть все долги и уехать на теплые острова.

Вероника хмыкнула и отложила документы в сторону.

– Ты не можешь продать поместье. Здесь зарегистрирована некоммерческая организация.

– Что?! – я резко отняла руки от лица.

– Приют – это обременение. С ним сделки купли-продажи запрещены. Ты получила его по суду, можешь оформить дарственную на кого угодно, но выручить за это деньги не получится.

Я сглотнула.

– Но что же делать?!

– Очевидно, что избавляться от приюта. А упразднить его можно только если в нем не будет питомцев и не будет долгов.

Я вздрогнула, подняла на Веронику глаза. – И все?! Раздать фамильяров?

Вероника, не меняя выражения лица, вернулась к папкам. – И долги, – произнесла она, пролистывая бумаги. – В первую очередь нужно поговорить с владельцами «Славного кабачка», чтобы они дали отсрочку по выплатам. Во-вторых, пересмотреть арендную плату. Вы сдаете землю подозрительно дешево, хотя... возможно, она того и не стоит.

Я закусила губу. – А поместье?

– Его нужно привести в порядок, – жестко ответила Вероника. – Сад, крыша, фасад. В таком виде дом никому не нужен, еще приплатить придется. Но на это тоже нужны деньги.

Я опустила плечи. – Где их взять?

Вероника вздохнула, достала из своей кожаной папки аккуратный магический копировальный лист и начала раскладывать документы. Чернила вспыхивали мягким зеленым светом, перенося текст на чистые листы. – Я могу помочь разобраться в бухгалтерии. Но думать и принимать решения придется тебе, Алиса. На досуге посмотри в зеркало и реши, кем ты хочешь быть: хозяйкой поместья, светской лвицей, девой в беде, папиной дочкой?

Она щелкнула пальцами, копировальные листы сложились в стопку. Вероника разложила все по папкам, аккуратно поправила клетчатую юбку и поднялась. – Мне пора. Напишу тебе, как только будут новости.

Я проводила ее взглядом и простонала. Я ведь надеялась, что Вероника, как фея с волшебной юридической палочкой, решит все проблемы одним взмахом.

Но, с другой стороны, теперь я хотя бы знала, с чего начинать. Ясно, что делать! Срочно искать добрые руки для фамильяров.

Мы вышли вместе во двор. Вероника накинула дорожный плащ, и я, прежде чем она шагнула к калитке, торопливо остановила ее: – Вероника, поговори с моим отцом. Продави

его, пусть оставит Пола со мной еще ненадолго. В конце концов, отец сделал меня предметом сделки и добровольно отдал в лапы дракона-изменщика. Пусть теперь хоть чуть-чуть поможет.

Вероника прищурилась, но кивнула. – Посмотрим, что можно сделать.

У крыльца ее ждала метла – длинная, темная, с серебряными рунами на ручке. Она взяла ее в руки с тем же изяществом, с каким садилась бы в карету. Юбка легкой волной опустилась на сапоги, каштановые волосы в узле не дрогнули ни на волосок.

Она взмахнула рукоятью – и метла мягко приподнялась. Вероника села на нее, выпрямилась, словно и здесь оставалась в суде, и, не оглядываясь, поднялась в воздух.

Я стояла на пороге, пока фигура в клетчатой юбке не превратилась в темную точку на фоне ясного утреннего неба.

Я вошла в дом и, будто сама себя загоняя в угол, направилась к старому зеркалу, висевшему прямо в коридоре. Оно было мутным, с паутиной трещин по краям, но отражение выдавало правду куда безжалостнее, чем любые газеты.

Всю жизнь мне казалось, что мое будущее определено. Что я выйду замуж за самого лучшего мужчину на свете, буду блистать на столичных балах, устраивать пышные приемы. Что у нас будет орава славных кудрявых детей, которых каждое лето мы станем возить на южные острова – купать в море, кормить фруктами, чтобы они росли здоровыми, счастливыми, солнечными.

Я никогда даже не предполагала, что жизнь может повернуться иначе.

И вот я стояла в потрепанном сарафане, разведенная, с долговой ямой за спиной и толпой голодных фамильяров в придачу.

– Кем я хочу быть? – спросила я свое отражение.

В мутном стекле на меня смотрела не светская львица, не жертва скандала, а женщина, у которой все еще есть выбор. Не та, кого определили родители или чужая сделка. А свободная и независимая – та, которая сама решает, что делать со своей жизнью.

Да, сейчас у меня нет денег. Но ведь это не все, что у меня есть. Я коснулась пальцами розовой газеты с блестками, которую все еще держала в руке. У меня есть известность.

«Главный сплетник» читают сотни тысяч – в столице, на базаре, даже за городскими стенами. Среди них наверняка найдутся такие, кто захочет приютить даже самого странного питомца, лишь бы похвастаться перед соседями, что у них фамильяр из печально известного приюта.

– Значит, нужна статья, – пробормотала я, сжимая газету в руках.

Вот только никто не знал ни адреса редакции, ни настоящего автора заметок. Но за годы светской жизни я кое-чему научилась: если дать хороший повод, то «Сплетник» напишет сам.

Я вдруг почувствовала, как по венам пробежал ток решимости.

– Я придумала! – закричала я и сама удивилась, как звонко прозвучал мой голос в пустом коридоре. – Я устрою благотворительную распродажу! Все деньги пойдут на нужды приюта!

В голове все выстроилось само собой.

Благотворительный бал!

С распродажей платьев и украшений – мои подруги наверняка подключатся. Они не упустят случая показать свои гардеробы, а заодно блеснуть добродетелью. Светские дамы придут, конечно же, из любопытства: кто откажется поглазеть на скандальную разведенку, которая из жены дракона превратилась в хозяйку приюта?

Можно устроить аукцион на танец, добавить пару игр вроде «угадай вес фамильяра» или «кто быстрее накормит василиска яйцом».

Приурочить все это к ближайшему празднику – например, ко Дню Основания Столицы. И вуа-ля!

А там уж я выйду в зал и расскажу трогательные истории про моих питомцев.

Сплетник непременно напишет об этом – и останется только ждать. Толпы желающих приютить моих малюток... ну ладно, не совсем малюток, но все же.

Я подобрала юбки и почти бегом кинулась в кабинет – писать письма, звать подруг, искать союзников. Нужно было найти подходящий зал!

От волнения мне даже стало душно, я распахнула окно и подставила лицо прохладному ветру, чтобы немного успокоиться. Нужно найти место для бала.

Возможно Идд-Фрай или Вороновская примут бал у себя!

Я открыла шкапулку, разложила карточки на столе и вздрогнула, заметив, как письмо от Сильвиана снова заполняется строками.

Он пишет уже третий раз?

Я остановилась, закусила губу. Сердце кольнуло. Так и подмывало прочесть, что же пишет этот изменник: извинения? Угрозы? Насмешки?

Я протянула руку...

И в этот момент что-то холодное и тяжелое шлепнулось мне на плечо. Я замерла. Медленно, очень медленно опустила глаза.

Я совсем забыла а пауке! А он обо мне нет. И прежде чем я успела закричать, восьминое чудовище сделало рывок и укусило меня!

Я вскрикнула, скорее от страха, чем от боли, схватила со стола ближайшую папку и уже замахнулась, чтобы прихлопнуть обидчик, как вдруг услышала голос в своей голове.

– Ау! Вы меня слышите?

Я застыла с поднятой рукой. Глаза округлились.

– О, по глазам вижу, слышите!

О нет! Это однозначно голос в голове! Паук наверняка ядовитый и у меня начались галлюцинации. Наверное через минуту я упаду в обморок и умру.

Но паука я уж точно заберу с собой. Я снова замахнулась папкой, а паук поднял передние лапы вверх.

– Что за кровожадность? Выслушайте меня, наконец! А то бегаєте от меня, как курица без головы.

Я похлопала глазами. Похоже голос принадлежал кусачему пауку и он только что обозвал меня курицей. – Точно галлюцинации...

– Галлюцинации, – занудно поправил меня паук, – это когда вы разговариваете сами с собой. А я вообще-то здесь.

Я медленно опустила папку и уставилась на паука.

– Не может быть, – выдохнула я. – Пауки не разговаривают.

– Конечно не разговаривают, но я не просто паук, – резонно заметил он. – Позвольте представиться, мадам, меня зовут Герберт, – паук изобразил поклон, вышло довольно галантно, – Я фамильяр основателя этого поместья. Достопочтенного и благородного дракона, чей призрак, вероятно вы видели давеча...

Речь паука была дорого витиевата и старомодна, что мне потребовалось несколько секунд, чтобы перестроиться и начать понимать суть.

– Прошу простить меня покорно, но к сожалению был вынужден укусить вас, дабы вы начали слышать мой голос. Досадная черта моей бытности, осложняющая общение с людьми.

Я похлопала глазами снова и медленно опустила папку, потирая укушенную шею.

– То есть вы укусили меня чтобы...

– Вы проникательны, мадам. Все так. Но все же, самое важное, что я хотел сказать вам, ради чего так бесцеремонно вторгся в ваше личное пространство и не к моей чести будет сказано, устроил на вас охоту это то, что я обязан предупредить вас! Всем нам угрожает страшная опасность!

Глава 5

– Хозяйка?

Я вздрогнула и резко обернулась. В дверях стоял Пол, и в руках у него была сковородка. Видимо, он собирался спросить, что там с завтраком.

Заметив на моей шее свежий укус и мохнатое чудовище рядом, лицо его чуть дрогнуло.

Прежде чем я успела что-то сказать, Пол, действуя с военной точностью, замахнулся сковородкой и одним ударом отправил беднягу Герберта в полет через всю комнату, напрямик в открытое окно.

Я кинулась к окну, выглянула наружу.

Герберт исчез где-то в кустах, а по дороге к поместью подкатывала незнакомая карета – темно-зеленая, с красной отделкой, лакированные бока блестели на солнце.

– Прекрасно, – прошептала я. – Еще и гости.

Я обернулась к Полу:

– Пожалуйста, спустись в сад и найди Герберта. Бедняга хотел предупредить нас о какой-то опасности. А я встречу гостей.

Наспех поправив волосы, я прикрыла след укуса платком, пригладила сарафан, насколько это вообще возможно, и поспешила вниз.

Дверь скрипнула, и меня едва не сбил с ног гигантский букет – розы, пионы, какие-то немислимые лилии, завернутые в золотую бумагу.

За букетом показался мужчина, высокий, плотный, с лицом, в котором каждую черту словно нарочно сгладили, лишив его и привлекательности, и истинной суровости. Густые усы закрывали верхнюю губу, а глаза, маленькие и пронзительные, хитро блестели.

Он картинно поклонился, сунув букет мне прямо в руки. – Госпожа Алиса! – протянул он тягучим голосом. – Луиджио, хозяин «Славного кабачка». Прибыл, чтобы поддержать вас в столь сложной ситуации. Подставить плечо, так сказать, выразить свою преданность...

Я растерялась и, не зная, как реагировать, отступила в сторону.

– Проходите...

Луиджио вошел в холл, оставив на полу следы от лакированных сапог. Он все время пытался поймать мой взгляд, склонив голову набок и улыбаясь так, будто мы давно знакомы и между нами даже есть некая связь.

– Ах, как же несправедливо обошелся с вами этот мир, – вздохнул он, демонстративно поправляя лацкан камзола. – Такая изящная, светская дама, в захолустье! Но не волнуйтесь, рядом с вами теперь я. Вы такая... хрупкая. Такая... нуждающаяся в надежном мужчине.

Я невольно сжала букет так, что несколько шипов вонзились в ладонь. – Благодарю, – процедила я.

Луиджио присел на край кресла, глядя на меня с намеком, и продолжил: – Мы теперь близкие соседи, можете рассчитывать на меня. Наверняка вы в шоке и вам нужна помощь.

Его улыбка была слишком маслянистой, комплименты – слишком липкими. Я чувствовала, как каждая его фраза умасливает меня, словно он пытался подсунуть сделку в обертке «заботы».

И от этого мне хотелось только одного – поскорее выскользнуть из-под его пристального взгляда.

В холле послышались шаги, и я едва успела обернуться, как в проеме появился Пол. Он остановился, поставив сковородку на комод так, словно она была частью интерьера, и смерил Луиджио взглядом – тяжелым, холодным, пронизывающим насквозь.

Луиджио вздрогнул, словно его окатили ведром ледяной воды. – О... вы здесь не одна, – пробормотал он, дернув усом.

– Это мой камердинер, Пол, – сказала я спокойнее, чем чувствовала. – Конечно, мы немного в шоке, но справляемся. Возможно, вы захотите выпить чаю и поговорить о делах. По бухгалтерским книгам я вижу, что за мной есть задолженность...

Пол встал рядом, не отводя глаз от гостя. Он словно вонзался взглядом в Луиджио, и от этой молчаливой проверки хозяин «Славного кабачка» начал ерзать, как провинившийся беспризорник. Я отметила про себя, что Пол, похоже, никуда уходить не собирался.

– Ах, мадам, – протянул Луиджио, расплываясь в улыбке, – ну что вы! Я не смею напоминать о долгах. Все, как-нибудь, само утрясется... Я приехал засвидетельствовать свое почтение и уверить, что, несмотря ни на что, завтра привезу свежие овощи для ваших очаровательных питомцев.

Он сделал паузу, прижав руку к груди, и добавил почти театральным тоном: – Нельзя же оставлять без еды этих милых существ.

Слова звучали убедительно, но тон выдавал его с головой. Ни капли настоящего сочувствия, ни искры тепла – только сладкая патока, за которой скрывалось равнодушие.

Я наскоро проводила Луиджио к дверям, с трудом сохраняя вежливую улыбку. Он церемонно склонился, прижал руку к груди, поцеловал воздух в сторону моей ладони и, щедро осыпав меня еще парой масляных комплиментов, наконец покинул дом.

Я облегченно выдохнула, но задержалась в холле, прижавшись к стене. Любопытство оказалось сильнее приличия. Я чуть приоткрыла тяжелую штору и заглянула в маленькое боковое окошко.

Улыбка, до этого не сходявшая с лица Луиджио, сползла, как смытая дождем краска. Он помрачнел, резко сел в карету, и его кучер тут же безжалостно хлестнул упряжку. Лошади рванулись так, будто бежали не по мостовой, а от пламени пожара.

Я невольно поежилась.

– Нужно найти Герберта, – сказала я вслух, скорее себе, чем Полу, который все еще стоял неподалеку. – Он хотел предупредить об опасности. И, кажется, это как-то связано с этим мерзким кабачком.

Поиски в саду оказались делом непростым. Пушистые кусты и не в меру разросшаяся сныть надежно скрывали испещренную рытвинами землю.

Пол чуть не провалился в огромную яму, глубиной ему по пояс, не меньше.

– Здесь что, водится гигантский крот?

Я с недоумением осмотрела сад под окнами. Как после боевых действий, только выюнами сверху прикрыто, как маскировочной сеткой.

Пол выбрался, а затем невозмутимо продемонстрировал мне найденную в кустах большую лопату.

– Ловушки на зверя? Нет, непохоже. Кажется что-то здесь искали.

Пол невозмутимо кивнул, молча подтверждая мои догадки.

– Надеюсь, Герберт цел. Наверняка он знает ответы.

Я подняла глаза на окно кабинета. Прищурилась, прикинула угол вылета паука и мысленно нарисовала траекторию падения. – Там, у сирени, – показала я рукой. – Если он не уполз куда-то. Я б на его месте от нас сбежала.

Пол без лишних слов раздвинул кусты, и вскоре среди спутанных листьев мы разглядели мохнатый комочек.

– Герберт! – я торопливо присела и осторожно подняла паука в ладони. Его лапки вяло подергивались, – Герберт, вы как?

– Кажется, я оглушен вашим... гм... гостеприимством, мадам, – прозвучал в моей голове его слабый голос.

Герберт расслабил лапки на моих ладонях и безвольно свесил их вниз.

– Похоже, ему нужен отдых, – сказала я тихо, прижимая паука к груди.

В саду послышалось тоскливое завывание, подхваченное целым хором. Казалось, стены поместья задрожали – так громко и жалобно отзывались фамильяры, требуя свое.

Я вздохнула. – Нужно покормить фамильяров, Пол – произнесла я обреченно, – Я пока позабочусь о Герберте, – добавила я и поднялась.

Пол посмотрел на и невозмутимо произнес: – Госпожа, вам лучше сделать это самой. Если ваш отец отзовет меня, как вы справитесь?

Я прикусила губу и кивнула.

– Хорошо, – нехотя согласилась я. – Похоже, быстро все это не закончится. Надо брать дело в свои руки.

Пол только одобрительно склонил голову, будто именно этого и ждал.

Я отдала Герберта Полу, а сама вернулась в кабинет и взяла в руки тяжелый фолиант, открыла список на кормление и на этот раз решила начать с конца.

На последнем месте стоял Марципан. Зубастый петух, которого нужно кормить строго по часам. Я глянула на циферблат, ну, плюс минус вовремя.

Мероприятие не казалось сложным. Петух питался молоком и зерном. Среди пометок с тремя восклицательными знаками значилось: строго из его миски.

Что ж, больше экспериментировать с инструкциями я не планировала. С книгой подмышкой я решительно направилась в кладовую, отыскала мешок с зерном, отмерила порцию, согрела молоко в ковшике.

По пути прихватила тяжелую керамическую миску, на которой крупными буквами было выцарапано «Марципан».

Натянув на лицо приветливую улыбку, я вошла в комнату с соответствующей табличкой и оказалась в натуральном курятнике. Такие частенько ставили на задворках своих лавок торговцы. На две три курицы.

На резной жердочке сидел сам хозяин: облезлый, местами лысый, с редкими перьями на шее и огромным кривым клювом, из-под которого торчали два желтоватых зуба. Он выглядел так, словно собирался брать противника на испуг.

Вполне удачно.

Петух повернул ко мне голову и впился в меня недобрым взглядом красных глаз.

– Ну здравствуй, красавец, – выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Похоже, звучала я неубедительно. Прямо перед петухом на полу был нарисовано два креста. Один красный, второй белый.

Осторожно пройдя несколько шагов, я поставила миску с молоком на белый, а крупу на красный. Петух не шелохнулся.

– Приятного аппетита, – произнесла я.

Безрезультатно.

– Ты не голодный?

Нет ответа. И только когда в доме послышался перезвон часов, фамильяр соизволил слезть с жердочки и отправиться на кормление.

Я убедилась, что он начал клевать, вышла, закрыв за собой дверь. Моя уверенность в том, что я быстро пристрою фамильяров начала медленно таять.

И кому приглянется такой питомец? Часовщику? Выглядит страшно, ведет себя странно.

Я вернулась в кухню и снова раскрыла книгу. Следующим по списку значился Лютик – парящий змей-хамелеон. Кормление: рыба, порезанная кусочками.

– Рыба... – пробормотала я и отправилась в погреб.

Снова три решетки, три замка – и вот я в прохладном полутемном помещении, пахнущем сыростью. В дальнем углу стояла бочка, залитая рассолом. Я приподняла крышку и поморщи-

лась – рыба выглядела так, будто она уже пару раз успела прожить свою жизнь. Еще не испорченная, но уже на грани.

– Завтра такой уже никого не накормишь, – сказала я вслух.

Судя по записям, никаких поставок рыбы не ожидалось. И где ее брать? Придется разбираться, делать нечего.

Я выловила из бочки несколько более-менее приличных тушек и пошла с ними на кухню, резать в меру своих умений.

Нулевых.

Нож оказался тяжелым, а рыба скользкой. Пальцы все время норовили соскользнуть, и я пару раз едва не распоролла себе ладонь. Куски получались кривыми, разной величины – от мелкой стружки до увесистых ломтей.

В инструкции ничего не было сказано про кости. Но змеи вроде заглатывают жертву целиком, как хамелеоны. Переваривают в желудке. Хотя, это фамильяр, с ними может быть что угодно.

Ладно, разберемся и с этим.

Я натянула на лицо улыбку, как это принято у настоящих хозяйственных дам, и отправилась в комнату, где по табличке должен был жить Лютик.

Толкнула дверь и замерла.

На полу стояла миска. Полная. Рыба в ней лежала нетронутая, аккуратно разложенная, как будто ее только что принесли.

Я моргнула и шагнула ближе. – Малыш? Ау... – осторожно позвала я.

Тишина.

В голову закралась тревожная мысль. А здесь ли вообще фамильяр?

Я поставила миску с рыбой на пол и присела рядом, сложив руки на коленях.

– Лютик, малыш, иди ужинать... – голос мой прозвучал наигранно ласково, но внутри все сжималось.

Я подождала пару минут и задала сама себе вопрос: а я бы пошла к незнакомому человеку, который размахивает миской с рыбой не первой свежестью и сладким голосом подзывает?

Кто знает, что этим фамильярном пришлось в жизни вытерпеть? Я так и не прочла «досье» на каждого.

– Ладно, не хочешь, не подходи, – вздохнула я.

Я обвела глазами пустую комнату. Ни намек на фамильяра. Вдруг его и правда здесь нет?

И тут меня осенила мысль.

Я сбегала в кладовую и вернулась с небольшим мешочком муки.

– Посмотрим, кто кого, – сказала я, щедро обсыпав пол вокруг миски.

Даже если Лютик не поест, хотя бы обнюхает. Хоть какой-то след будет.

Я осторожно прикрыла за собой дверь, защелкнула засов и подумала, что возможно дело в свежести рыбы. Интересно, Пол умеет обращаться с удочкой?

Следующим в списке на кормление значился Бисквит – персиковый барсук. Из особенностей лишь то, что он любит серебряные столовые приборы, но может их припрятать в норах.

Рацион у него при этом был довольно простой, близкий к человеческому. Отварная курица и овощи. У меня в животе заурчало. Я все еще не завтракала и сама бы не отказалась от такого блюда.

К счастью, Пол избавил меня от необходимости самой варить курицу, все уже было готово. Стояло на подносе, в полной сервировке и даже с хлопковой салфеткой.

– Ну надо же... изящество какое.

Дверь с табличкой «Бисквит» вела в просторную комнату, внутри которой обустроили трехуровневый апартаменты.

– Похоже кто-то живет тут с шиком! – воскликнула я.

Первый ярус напоминал небольшую гостиную: коврик на полу, полки с гладкими камешками и всякими блестяшками, аккуратно разложенными кучками. На втором ярусе – деревянная платформа с мягкой подстилкой и подушками, куда вела пологая лесенка. А сверху, под самой крышей, был устроен узкий балкончик с решеткой, словно смотровая башня, откуда открывался вид на сад.

– Ну прямо апартаменты с мезонином, – пробормотала я.

Из-за ширмы в углу выкатился упитанный хозяин. Бисквит оказался на первый взгляд милейшим существом: мягкая густая шерсть персикового оттенка отливала золотом в свете лампы, а на груди четко выделялось белое пятнышко в форме, напоминающей шейный платок.

Бисквит важно поднял мордочку, уставился на меня блестящими бусинками глаз и совершенно без опаски подошел ко мне знакомиться.

– Какой ты славный и дружелюбный! Ну, хоть кто-то в этом доме мне рад.

Я осторожно поставила поднос на столик, присела на колени и протянула руку Бисквиту. Барсук же обнюхал ладонь, приложил к ней свою ловкую когтистую лапку, а затем пискнул и обнял меня за шею, как ребенок.

Я обняла его в ответ и погладила по шерстке.

– Наверное тебе тут одиноко сидеть одному, да малыш?

Барсук пискнул и закивал головой.

– Какой ты умный! Ты меня понимаешь?

Барсук снова утвердительно кивнул и обнял меня крепко.

– Мой хороший. Иди покушай, я скоро тебя навещу, хочешь?

Бисквит охотно закивал головой, а затем втянул ноздрями воздух и вперевалочку пошел за столик, сел за него, почти как человек, накрыл пушистое пузико салфеткой и принялся кушать. Да так аккуратно, как ни каждый человек может.

Я умиленно вздохнула, почувствовала, как в душе рождается нежность и тепло. У попадания фамильяров не бывает, только у потомственных жителей этого мира, да у магов. Домашних питомцев родители не разрешали.

Может быть, это мой шанс? Я же могу оставить с собой такого милого малыша? Стать ему хозяйкой.

Я вышла за дверь, заперла замок и вспомнила, что с фамильяром бывшего у меня были отношения лучше, чем с самим бывшим. Может быть это судьба? Фамильяры – это мое?

Я сделала несколько шагов к кухне, машинально провела рукой по волосам... и с удивлением ощутила, как рыжие пряди свободно рассыпаются по плечам.

– Что за... – я повернулась к окну и поймала собственное отражение в стекле. Волосы действительно распушены, прически как не бывало.

Я ощупала непослушную копну, но любимых рубиновых шпилек так и не нашла. На полу их тоже не было, а потом до меня наконец дошло.

– Он меня обокрал!

Я распахнула дверь в комнату Бисквита с такой силой, что она едва не слетела с петель.

Барсук-воришка сидел за своим столиком, чинно доедал овощи и глянул на меня таким невинным взглядом, что в голове промелькнула мысль: может я все придумала? Но непослушные волосы все так же падали на плечи.

– Это с твоей стороны подло! – выкрикнула я, уперев руки в бока. – Вот поэтому здесь все разваливается! Никому нельзя доверять!

Барсук пискнул и захлопал ресницами, будто не понимал, о чем речь. Он поправил льняную салфетку на коленях и дернул ушком.

– У меня и так не самые легкие деньки, – продолжила я, – чтобы меня еще и обворовывали под крышей собственного дома! Я теперь здесь хозяйка. И я устанавливаю правила. Верни шпильки, бандит!

Бисквит осторожно убрал салфетку, отложил приборы и вышел из-за стола. На секунду мне показалось, что мои слова достигли сердца фамильяра, но нет.

В глазах-бусинках мелькнуло адское пламя, за спиной с треском выросли крошечные демонические крылья, а на пушистой мордочке мелькнула клыкастая ухмылка.

В довершение картины из лба барсука вытянулось два витиеватых рога.

– Ох ты ж... – только и выдохнула я.

Демонический барсук издал угрожающее рычание, и я, не раздумывая, бросилась к двери.

– Этот приют сведет меня в могилу! —крикнула я, захлопывая замок снаружи и переводя дыхание в коридоре.

Изнутри еще несколько минут слышалось сердитое шипение, а потом все стихло. Я оперлась спиной о стену, пытаясь прийти в себя. трехголовый медведь уже не казался мне таким уж опасным и страшным.

Нежный персиковый Бисквитик уверенно занял первое место в моем личном топе проблем.

Тем временем за окном послышался грохот. Я отодвинула пыльную занавеску и выглянула в окно. По дороге к поместью катилась простая фермерская повозка. На ней сидел коренастый мужичок в потертой рубахе и соломенной шляпе. Упряжка из двух лошадей шагала лениво, но уверенно.

Я прижалась лбом к холодному стеклу, наблюдая, как повозка медленно приближается. Колеса скрипели по неровной дороге, и чем ближе она подъезжала, тем яснее я различала ее содержимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.